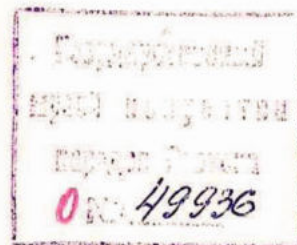

64-908
11.34

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА
НАРОДОВ ВОСТОКА

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Выпуск XII

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

Под общей редакцией
В.В.Федорова

Н.С.Сычева

НЕПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОБРАНИИ ГМИИВ

Коллекция керамики Средней Азии, хранящаяся в Государственном музее искусства народов Востока, характеризует лишь некоторые, но очень важные периоды развития и основные центры гончарного ремесла и охватывает время от IY тыс. до н.э. до XX в. Большую ее часть составляет поливная керамика ¹⁾. Среди неполивной керамики значительное место занимает фрагментарный материал, существенная часть которого является скорее бытовой керамикой, нежели художественной; она маловыразительна, не несет на себе каких бы то ни было орнаментальных мотивов и поэтому в наш обзор не включена.

Коллекция неполивной керамики Средней Азии начала складываться в начале 30-х годов. Ее основу составила коллекция глиняной посуды, поступившая в музей в 1933-1934 гг. от инженера Б.Н.Кастальского ²⁾, частично купленной им на рынках Самарканда, частично собранной на городищах и тепе в окрестностях города. К сожалению, из-за отсутствия дневников Б.Н.Кастальского, она никак не паспортизирована, и вещи практически анонимны. Лишь на донцах некоторых сосудов имеются надписи, указывающие место сбора: "Бухара", "Самарканд", "Термез", но таких вещей немного, они единичны.

Крупным пополнением является также коллекция А.И.Смирнова, которую музей получил в дар от его сестры О.И.Смирновой в 1966-1967 гг. ³⁾. К сожалению, вещи этой коллекции, также как и поступления Б.Н.Кастальского, не имеют точного адреса.

Остальные крупные поступления составляют коллекции, переданные музеем институтом археологии АН СССР, институтом этнографии АН СССР, кафедрой археологии МГУ. Так в 1968 г. в музей поступила коллекция энеолитических сосудов с поселения Чонг-депе (юго-восточные Кара-Кумы) IY-III тыс. до н.э., в 1971-1972 гг. — коллекция раннесредневековой керамики с пос. Кайрагач (Западная Киргизия) сер. I тыс. н.э. из раскопок Г.А.Брыкиной, в 1973-1974 гг. — посуда из усадьбы I тыс. до н.э. Дингильдже из раскопок М.Г.Воробьевой.

Кроме того, коллекция керамики Средней Азии пополняется в результате ежегодно проводимой ГМИНВ, Эрмитажем и ВЦИЛКР экспедиции на Кара-тепе (Старый Термез) и экспедиций по закупке произведений народного декоративно-прикладного искусства, которые, начиная с 1968 г., регулярно выезжают в республики Средней Азии. В результате закупочных экспедиций в музеи появилась керамика современных мастериц горного Таджикистана.

Часть нашей коллекции обработана, опубликована или готовится к печати и поэтому в статью не включена ⁴⁾. Другая часть ранее не публиковалась или публиковалась не полностью, и поэтому на ней мы остановимся несколько подробнее ⁵⁾. Но основной целью данной статьи является разбор и публикация коллекции Б.Н.Кастальского и А.И.Смирнова, паспортизация вещей, их датировка, хотя бы в самой общей форме.

Из всей разбираемой нами коллекции выделяются четыре группы керамики, которые могут быть определены достаточно надежно. Это коллекция энеолитических сосудов IY-III тыс. до н.э. из Южной Туркмении, керамика Северной Бактрии-Тохаристана кушанского времени из Кара-тепе, большая коллекция керамики Согда II-I вв. до н.э. — UP-III вв. н.э. и керамика Афрасиаба IX-XIV вв. н.э. Более условно можно определить коллекцию сферокусов и коллекцию расписной керамики. Остальные сосуды единичны, трудно увязываются с какой-либо определенной исторической территорией и определены нами только как "среднеазиатские".

Самой ранней по времени в нашем собрании является коллекция энеолитических сосудов с поселения Чонг-депе (9 еди-

ниц), которые по аналогии с энеолитической керамикой типа Намазга II датируются IY-III тыс. до н.э. ⁶⁾ и характеризуют культуру ранних земледельцев Южной Туркмении. Эта керамика сделана без гончарного круга ленточным способом и представляет собой полусферические чаши от 13 до 21 см в диаметре, как правило со скругленным дном. Чаши изнутри и снаружи покрыты красным или желтовато-красным ангобом. Наружная поверхность чаш целиком или в виде фриза, расположенного по бортику сосуда, покрывалась орнаментом. Роспись сосудов, как правило геометрического характера, представляет собой сочетание крестов, треугольников, ромбов (4862ш, 4860ш, 4861ш, 4858ш, 4857ш, 4856ш, 4855ш, 4854ш, 4859ш). Существует мнение, что геометрический орнамент был заимствован из узорных переплетений циновок или ткачества ⁷⁾. Некоторые исследователи считают, что такие узоры появились на керамике в результате абстрактного мышления художника ⁸⁾. Кроме геометрического орнамента энеолитическая керамика из нашего собрания несет и зооморфные мотивы. Одна из чаш (4861ш) имеет орнамент в виде профильного изображения козла с утрированно прямой спиной и ногами. Семантика зооморфных мотивов, среди которых встречаются изображения барсов, дроф, уток, орлов, по мнению некоторых авторов, связана с тотемистическими воззрениями древних земледельческих обществ ⁹⁾.

Несмотря на то, что наша коллекция энеолитической посуды немногочисленна, она чрезвычайно важна для исследователей в решении проблемы возникновения и развития орнамента древнеземледельческих обществ. его символики и семантики.

Следующей по времени хронологической группой в музейном собрании является группа посуды второй половины IY в. н.э. из буддийского культового центра Старого Термеза — Кара-тепе. Исследование этого памятника, в котором принимает участие и наш музей, ведется с 1926 г., систематические раскопки — с 1931 г. Большую часть находок на этом памятнике составляет керамика. В нашем собрании насчитывается около 18 целых сосудов ¹⁰⁾, среди которых имеются тарелочки (23491кп, 23492кп, 23493кп, T-68 K-T), чашечка (23490кп), А-св. -I9 одноручные (23500кп, 23501кп, 23502кп, 23503кп, 23504кп, 23505кп, 23506кп) и двуручные (23498кп, 23497кп, 23496кп,

28495кп, 28494кп) кувшины. Этот керамический комплекс происходит из центрального святилища пещерного комплекса П-I, расположенного в I группе помещений. Сосуды сопровождали захоронения в святилище, т.е. служили погребальным инвентарем. В святилище на полу, поверх слоя надувного песка, были положены около 20 костяков, которые сопровождалась керамикой и монетами второй половины IY в. н.э. Керамика, обнаруженная здесь, дает представление о посуде Северной Бактрии позднекушанского времени. Сосуды сделаны на гончарном круге и, как правило, целиком или частично покрыты красным ангобом и лощением. Некоторые из них дополнительно украшает штамп II).

Наш керамический комплекс является одним из немногих, практически единичных, твердо датированных комплексов керамики Северной Бактрии позднекушанского времени. Имея твердую датировку, керамика Кара-тепе, безусловно, является тем материалом, который вместе с другими дает возможность установить хронологические этапы в развитии культуры Северной Бактрии. Более того, керамика Кара-тепе является важным источником в постановке и решении таких вопросов культурной истории Северной Бактрии-Тохаристана, как вопрос о культурных связях этой области Средней Азии с Северным Причерноморьем и Индией, вопросы верований и обрядности, истории ремесла и т.д.

Среди коллекции керамики Средней Азии выделяется группа сосудов, по своему происхождению связанная с Согдом. Самым ранним по времени в этой коллекции является бокал (I8IШ) с цилиндроконическим туловом на невысоком плоском поддоне, покрытый с обеих сторон красным ангобом (высота 17,6 см, диаметр 14,7 см). Бокал приобретен у Б.Н.Кастальского, который был найден им на городище Афрасиаб. По аналогии с бокалами из Тулхарского могильника¹²⁾ и Бишкентской долины¹³⁾ мы датировем его П-I вв. до н.э. Второй бокал (4674Ш) рюмкообразной формы на высокой неустойчивой ножке с выемчатым поддоном, покрытый с обеих сторон красным ангобом и полосчатым лощением, был обнаружен при раскопках Суджинского могильника и датирован I-IY вв. н.э. (высота 23,5 см, диаметр 12,2 см). Этот бокал был получен нами в дар от музея им. Рудаки г.Пенджикента.

Следующую хронологическую группу керамики Согда представляют два кувшина из коллекции Б.Н.Кастальского. Кувшин (584Ш) имеет шаровидноконическое тулово и плоское дно. Горло сосуда высокое, узкое. Венчик отогнут наружу и уплощен. Петлевидная ручка одним концом крепится к плечикам, другим - к венчику. У основания горла по плечикам нанесен врезанный орнамент в виде круговых концентрических бороздок, на тулове - расписной узор, состоящий из трех соприкасающихся друг с другом кругов неправильной формы (высота сосуда 20,3 см, диаметр 5,5 см). Вторым кувшином (588Ш) имеет шаровидное тулово и плоское дно. Венчик чуть отогнут наружу и скруглен. Петлевидная ручка одним концом крепится к тулову, другим - к венчику. По тулову красной краской нанесены не соприкасающиеся между собой крупные круги (высота сосуда 12 см, диаметр по венчику 8 см).

Характерной особенностью этих сосудов является роспись красным ангобом в виде кругов. Подобные сосуды с кругами характерны для Согда¹⁴⁾ и встречаются в третьем слое Тали-Барзу¹⁵⁾. Этот слой передатировался несколько раз. Г.В.Григорьев относил слой ТБ-III к III-II вв. до н.э.¹⁶⁾, Т.Н.Книпович датировала его I в. до н.э.¹⁷⁾, Б.Я.Ставиский передатировал ТБ-III концом III-IY вв. н.э.¹⁸⁾. По мнению Б.Я.Маршака, сосуды с кругами переживают IY в. и заходят в V в. н.э.¹⁹⁾. Принимая во внимание последнее обстоятельство, мы склонны отнести наши сосуды с кругами к концу III-V вв. н.э.

К группе согдийской керамики относятся также сосуды, объединенные общим признаком - носиками-сливами в виде рожка (213Ш, 187Ш, 899Ш) из коллекции Б.Н.Кастальского. Отличие сводится к тому, что сосуд 213Ш имеет слив в виде прямого расширяющегося рожка, а сосуды 187Ш и 899Ш имеют слив в виде примятого рожка. Снаружи эти сосуды частично или целиком покрыты красным ангобом. Известно, что они были найдены Б.Н.Кастальским в районе Пенджикента. Сосуды со сливом в виде рожка известны в Согде по материалу Тали-Барзу²⁰⁾, Пенджикента²¹⁾, Калаи-Боло²²⁾. Датировются они по-разному. Принимая во внимание характер оформления слива и известные аналогии, мы датировем сосуд с инвентарным номером 213Ш III-V вв. н.э., сосуд с инвентарным номером 187Ш - V-VI вв.

н.э., а сосуд с инвентарным номером 899Ш относим к IV — первой половине V в. н.э.

С Согдом связаны также два сосуда с носиками в виде головки животного (879Ш и 1756Ш) из коллекции Б.Н.Кастальского. Они имеют шаровидную форму тулова, плоское дно и пластинчатую петлевидную ручку с продольной ложбинкой по середине. Носик сосуда оформлен в виде головки ушастого животного. Уши удлиненные, каждый глаз обозначен налепами из двух concentрических кругов с отверстием в центре. Отверстиями обозначены и ноздри. Сосуды небольшие по размеру. Высота первого из них 7 см, диаметр 5,3 см, высота второго 14 см, диаметр 11 см.

Первый образец таких сосудов был найден А.И.Тереножкиным на цитадели Пенджикента. Тогда А.И.Тереножкин высказал предположение, что это привозные сосуды²³⁾. Однако последующие находки в Пенджикенте опровергли это предположение. Уже сейчас известны многочисленные публикации таких сосудов из Пенджикента²⁴⁾. Отдельные предметы сделаны настолько искусно, что могут быть отнесены к изделиям художественного ремесла. Особенно мастерски моделированы сливы. Один из исследователей пенджикентской керамики И.Б.Бентович считает, что сливы чаще всего передавали головку быка, изображение которого можно рассматривать как пережиток магического значения быка в древности: в быке олицетворялось покровительство воде и орошению²⁵⁾. А.М.Беленицкий предполагает, что такие сосуды применялись при исполнении определенных магических обрядов²⁶⁾. Скорее всего это можно отнести к большим сосудам. Маленькие же употреблялись как поильники для детей. Подобные сосуды были обнаружены и в других памятниках Согда таких, как Тали-Барзу и Кафыр-кала. Принимая во внимание приведенные выше аналогии, мы относим наши экземпляры к керамике Согда и датируем их IV—V вв. н.э.

Разнообразной серией представлены в нашей коллекции согдийские кружки. Две из них из коллекции Б.Н.Кастальского (215Ш и 898Ш) сходны по форме. Они имеют цилиндрическую верхнюю и коническую нижнюю часть тулова и плоское дно. Переход от нижней части к верхней оформлен в виде небольшого валика, украшенного горизонтально

вытянутыми смыкающимися между собой срезами.

Плоская петельчатая ручка крепится к середине тулова. Их размеры варьируют незначительно: высота 8,3–8,6 см, диаметр 11,5–12,2 см. Подобные кружки известны по раскопкам Афрасиаба²⁷⁾. По аналогии с ними мы датируем наши кружки второй половиной V в. н.э.

Две другие кружки (245Ш и 5109Ш) из коллекции Б.Н.Кастальского и А.И.Смирнова относятся к IV—V вв. н.э. Первая из них представляет сосуд светлой глины с вкраплениями слюды или кварца высотой 11 см, диаметром 11,5 см. Тулово округлое, сужающееся книзу. Дно плоское. По тулову нанесен ряд оттисков штампа в виде плода граната. К середине тулова прикреплена петлевидная ручка. Подобные кружки встречаются в керамике Пенджикента²⁸⁾ и Афрасиаба²⁹⁾ и датируются IV—V вв. н.э. Вторая кружка аналогична по форме первой. Единственное отличие составляет обработка тулова: здесь нет штампа, а придонная часть тулова обточена ножом.

Форма кружек довольно характерна для раннесредневековой согдийской керамики. Г.В.Григорьев считал, что такая форма кружек имитирует серебряные сосуды³⁰⁾. Штампованный орнамент чаще всего изображает ветки или плод граната. Этот мотив довольно часто встречается на керамике Кафыр-калы близ Самарканда. Изображение ветки граната присутствует в росписях Пенджикента³¹⁾. Этот мотив в искусстве Средней Азии известен с глубокой древности и связан с культом богини плодородия.

В группу согдийской керамики IV—V вв. н.э. включена также чаша с волнистым бортиком под номером 1775Ш. Она представляет собой низкий сосуд высотой 6,3 см с диаметром по венчику 16 см. Дно плоское. Такие чаши хорошо известны по материалу Пенджикента³²⁾ и Занг-тепе³³⁾, где они датируются IV—V вв. н.э. Обращает на себя внимание сходство этих сосудов с серебряными "ложчатыми" чашами из Эрмитажа. Некоторое сходство есть также и с металлическими сосудами, изображенными на пенджикентских росписях. Влияние торевтики на согдийскую керамику IV—V вв. н.э. уже не раз отмечалось исследователями. При детальном анализе оказалось, что согдийские гончары подражали торевтам, воспроизводя в керамике формы металлической посуды и используя приемы работы по металлу³⁴⁾.

Таким образом, вся группа согдийской керамики характеризует уровень развития художественного ремесла Средней Азии доарабского времени.

Арабы, вторгшиеся в Среднюю Азию в начале VII в. н.э., разрушили древнейшие керамические центры и города. Однако уже в IX в. старые города восстанавливаются и возникают новые центры производства, самым известным из которых становится Афрасиаб.

В нашем собрании керамика средневекового Афрасиаба представлена сосудами IX-XII вв. н.э.

Довольно многочисленную серию составляют крышки от сосудов. В коллекции их насчитывается 55 единиц. Эта группа керамики поступила в музей в 1933-1934 гг. от Б.Н. Касатальского и была занесена в инвентарные книги как "подвески к сосудам". Впервые такая крышечка была найдена А.А. Зиминим в Пайкенде, определена им как подвеска к сосуду и датирована IX-X вв. н.э.³⁵⁾ Впоследствии здесь было найдено еще несколько крышечек³⁶⁾. Такие же крышечки были обнаружены и на других городищах³⁷⁾. Большие коллекции их образовались в Эрмитаже, Киевском музее западного и восточного искусства, в Государственном Историческом музее; как правило они не паспортизированы. Долгое время их считали бляшками от сосудов и лишь в 1954 г. удалось установить их истинное назначение³⁸⁾. Была восстановлена верхняя часть кувшина из коллекции Н.И. Веселовского. Кувшин имел ручку, которая одним концом крепилась к тулову сосуда, другим - к венчику. На эту ручку надевалась через отверстие-петлю крышка, которая закрывала горло кувшина. Большая коллекция таких крышек, аналогичных крышкам из нашей коллекции, хранится в Эрмитаже, относится к городищу Афрасиаб и датирована IX-X вв. н.э.³⁹⁾

Все крышки из нашего собрания сделаны из хорошо отмоленной и промешанной глины, снаружи покрыты либо светлым, либо красным ангобом. Они имеют сквозное круглое отверстие, смещенное относительно центра. Отверстие проделывалось после нанесения узора без учета расположения орнамента. Крышка надевалась на петлю, прикрепленную к ручке кувшина, а затем обжигалась вместе с ним⁴⁰⁾. Узор нанесен в большинстве случаев штампом.

По форме крышки можно разделить на плоские и выпуклые.

Плоские крышки (38 единиц) представляют собой круглый диск с отверстием у края. Их диаметр колеблется от 4,3 см до 11,5 см. Все они как правило покрыты с лицевой стороны штампованным орнаментом. Наиболее распространенной является композиция, состоящая из многолепестковой розетки, расположенной в центре, и 2-3 концентрических поясков вокруг нее, состоящих из геометрических фигур в виде треугольников, S-образных знаков, звездчатых фигур (2186Ш, 2190Ш, 2191Ш, 2203Ш, 2214Ш, 2142Ш, 2176Ш, 2177Ш, 2178Ш, 2179Ш, 2180Ш, 2181Ш, 2188Ш, 2218Ш, 2207Ш, 2185Ш, 2182Ш). Иногда вся лицевая поверхность крышки покрывалась геометрическим орнаментом, состоящим из сложных сочетаний ромбов, овалов, полуовалов, треугольников (2189Ш). Единственным экземпляром представлена крышка, лицевая сторона которой покрыта крупными, выпуклыми горошинами-шишечками (2207Ш) и крышка, на которой орнамент в виде глубокой врезанной насечки украшает только край (2187Ш). Редко встречается на крышках орнамент, известный в литературе как "жишки Будды" (2183Ш и 2197Ш) и в виде вращающегося колеса (2184Ш и 2198Ш). Крайне редко на крышечках встречается изображение птиц и животных. В Эрмитаже хранится 3 таких крышечки, в нашем музее - 2. На одной из них изображена стоящая птица (1787Ш), на другой - трехпалая птица с хохолком на голове, длинным хвостом и шей, идущая вслед за сторбленным человеком (1868Ш).

Кроме целых экземпляров крышечки этой формы представлены многочисленными фрагментами (2213Ш, 2209Ш, 2201Ш, 2220Ш, 2200Ш, 2199Ш, 2193Ш, 2206Ш, 2192Ш, 2194Ш, 2195Ш).

Выпуклые крышечки двух форм: полусферические (12 единиц) и конические (6 единиц).

Полусферические крышечки обычно покрыты штампованным орнаментом, выполненным в технике высокого рельефа. Орнамент в основном геометрический, наиболее часто встречается мотив плетенки (1280Ш, 319Ш, 312Ш). Крышечки этой формы имеют четко обозначенный центр в виде шишечки. Иногда они разделены на секторы, заполненные растительным или геометрическим орнаментом как правило в виде овалов и треугольников (2110Ш, 1410Ш, 1277Ш, 2252Ш, 2251Ш, 2249Ш, 1273Ш, 1895Ш, 293Ш).

Конические крышечки имеют конический верх и неширокий плоский бортик. Украшающий их штампованный орнамент представляет собой сочетание геометрических и растительных фигур в виде овалов, треугольников и звездчатых розеток (I443Ш, I264Ш, I449Ш, I438Ш, I278Ш, I439Ш). В нашем собрании имеются две крышечки, в форме круглого диска, но с углублением в центре. Украшающий их штампованный орнамент представляет собой растительные мотивы в сочетании с косой глубокой насечкой по краю (I732Ш и 2I93Ш).

По аналогии с крышечками Афрасиаба, с которыми прослеживаются наибольшие соответствия, мы датируем наши крышечки IX-X вв. н.э.

Интересной группой керамики представлена в нашей коллекции штампованная посуда средневекового Афрасиаба. В домонгольское время Афрасиаб был одним из крупнейших центров по производству штампованной керамики ⁴¹⁾. Другим центром по ее производству считался Мерв ⁴²⁾. Изготовление штампованной посуды было массовым и хорошо известно в Средней Азии не только в Мерве и Афрасиабе, но и в Нисе ⁴³⁾, Старом Термезе ⁴⁴⁾, Пайкенде ⁴⁵⁾, Бухаре ⁴⁶⁾. Известна она и на Кавказе, в Иране, Ираке, Сирии. Основными формами штампованной посуды были фляги и кувшины. И те, и другие употреблялись для хранения воды и, по-видимому, заменяли более дорогую глазурованную и металлическую посуду. Существует мнение, что штампованная керамика имитирует серебряные чеканные сосуды ⁴⁷⁾; она подносилась в качестве подарка для невесты, на бытовых праздниках, связанных с рождением ребенка и т.д. ⁴⁸⁾

Сосуды со штампованным орнаментом изготавливались в форме-штампе, как правило, из двух частей. По-видимому, делались полусферические заготовки, которые затем вдавливались в форму, стенки сосуда приминались к стенкам формы, вдавливались в углубления рисунка штампа и заглаживались. Потом обе половинки соединялись и после этого обжигались.

В нашей коллекции штампованная посуда представлена 5 флягами и 3 кувшинами.

В единую группу объединяются фляги с инвентарными номерами 4940Ш, 5I98Ш из коллекции А.И.Смирнова и фляги с

инвентарными номерами 62IШ и 498Ш из коллекции Б.Н.Кастальского. Фляги представляют собой сосуды с округлыми выпуклыми стенками и двумя плоскими петлевидными ручками. Горло узкое с ребристым манжетообразным перегибом в середине. Обе лицевые стенки фляги украшены штампованным орнаментом растительного и эпиграфического характера. Диаметр их тулова 18-24 см, и только у фляги с инвентарным номером 5I98Ш диаметр меньше - 12,5 см.

Несколько особняком стоит в коллекции фляга с инвентарным номером 466Ш. Она имеет ту же форму тулова, что и предыдущие фляги, но стенки ее более уплощены и покрыты штампованным орнаментом в виде стилизованных фигурок рыб, расположенных в два ряда меридионально головой к центру. Центр лицевых сторон обозначен четырьмя концентрическими кругами. Диаметр тулова 21 см, высота 26,5 см.

Фляги, подобные нашим, хорошо известны по материалам X-XI вв. Афрасиаба ⁴⁹⁾ и Пайкенда ⁵⁰⁾. Аналогичная фляга была найдена во время раскопок возле мечети Магокки-Аттари в Бухаре ⁵¹⁾. Датировка этих фляг укладывается в рамки IX-XII вв. н.э., причем наибольшие соответствия им обнаружены в материале Афрасиаба.

Особый интерес представляет фляга с инвентарным номером 466Ш с изображением рыб. Орнамент в виде рыб довольно часто встречается на средневековой керамике Афрасиаба и Мерва ⁵²⁾. Изображение рыбы издавна бытовало в искусстве Средней Азии. Так, мотив рыбы встречается в настенных росписях Балалык-тепе V-VI вв. н.э. ⁵³⁾ К этому же времени относится скульптурная панель из Пенджикента с изображением водной стихии и рыб ⁵⁴⁾. Многократно встречается этот мотив в резном ганче Варахши VII в. н.э. ⁵⁵⁾ Изображение рыб известно на колонне из Обурдона ⁵⁶⁾, а также в поливной керамике Афрасиаба XI-XII вв. н.э. ⁵⁷⁾ В Хорезме изображение рыб встречается на костяных изделиях VII-IX вв. н.э. ⁵⁸⁾ В IX-XI вв. в Средней Азии из стекла делались флаконы в виде рыб ⁵⁹⁾. Некоторые сфероконусы имели на тулове накладки в виде рыб. Иногда нижняя часть сфероконусов оформлялась в виде рыбьего хвоста ⁶⁰⁾, либо на тулове сфероконусов процарапывалось изображение рыбы ⁶¹⁾. По-видимому изображению рыбы придавалось особое значение, т.к. на сред-

невековом Востоке она воспринималась как символ счастья. Более того, возможно трактовать изображение рыбы и как символ многочисленного потомства. В связи с этим интересно отметить изображение рыбы с человеческими головами, выглядывающими из ее чрева в росписях Минг-уй⁶²⁾. Принимая во внимание последнее обстоятельство, можно предположить, что сосуды с изображением рыбы, в том числе и наша фляга, дарились в знак благопожелания многочисленного потомства.

Следующую серию штампованной посуды Афрасиаба составляют кувшины. Один из них (376Ш) из коллекции Б.Н.Кастальского представляет собой сосуд типа вазы⁶³⁾. Кувшин имеет сферическое грушевидное тулово, узкое горло и высокую ножку. Снаружи он украшен горизонтальными поясами геометрического штампованного орнамента с надписью и именем мастера Абд-ар-Рахмана. Надпись кроме имени мастера содержит дату 721/1321 гг. Е.А.Давидович, опубликовавшая наш сосуд⁶⁴⁾, считает, что сероглиняные кувшины с узким горлом, сферическо-коническим туловом и высокой ножкой относятся не к домонгольскому времени, как это считалось раньше, а к послемонгольскому времени, и датирует его XIV вв. н.э.⁶⁵⁾ Это обстоятельство особенно важно, т.к. помогает определить время и место изготовления двух других кувшинов из нашего собрания.

Один из них с инвентарным номером 520Ш представляет собой сосуд с шаровидным туловом и невысоким кольцевым поддоном. Снаружи он покрыт штампованным орнаментом в виде сердечкообразных пальметт. Сосуды подобной формы известны в Нисе⁶⁶⁾, а в сочетании с сердечкообразной пальметтой — на Афрасиабе⁶⁷⁾. Такие сосуды как правило датируются XI-XII вв. н.э.⁶⁸⁾. Учитывая приведенные аналогии, мы определяем наш кувшин как афрасиабский и датируем его XI-XII вв. н.э.

Второй кувшин с инвентарным номером 5038Ш из коллекции А.И.Смирнова имеет шаровидное тулово, носик и заканчивается поддоном в виде плоской ножки. Тулово покрыто орнаментом геометрического и растительного характера. По характеру орнамента, зонам его нанесения, форме ножки этот сосуд также по-видимому был изготовлен на Афрасиабе и относится к XI-XII вв. н.э. Аналогов этому кувшину, к сожалению, пока не найдено.

Таковы основные группы керамики Средней Азии, которые атрибутируются достаточно надежно. Остальная керамика может быть определена лишь условно.

К такой керамике относятся прежде всего сосуды, известные в литературе как сфероконы или симабузача. Они имеют узкое горлышко, раздутый корпус, переходящий в острое, скругленное или плоское донце. Сфероконы имеют в большинстве своем зеленоватую окраску, которая получалась в результате так называемого клинкерного обжига, суть которого заключалась в том, что глиняная масса при медленном повышении температуры, а затем медленном ее понижении доводилась до спекания.

Эти загадочные сосуды привлекли внимание исследователей еще в 70-х годах прошлого столетия. Интерес к ним не угас до настоящего времени, хотя происхождение и назначение этих сосудов до сих пор остается невыясненным. Так, например, В.Л.Вяткин называл их глиняными бомбами и считал, что они появились в Средней Азии, в частности на Афрасиабе, до ислама⁶⁹⁾. Он считал, что они служили для метания нефти⁷⁰⁾. Н.Ф.Высоцкий, видевший такой сосуд с ртутью, считал, что они служили тарой для ее хранения и перевозки, и что ртуть эта предназначалась для амальгирования зеркал⁷¹⁾. Н.Я.Марр, также как и Н.Ф.Высоцкий, считал, что в этих сосудах хранили ртуть, но использовали ее не для амальгирования зеркал, а для лечебных целей⁷²⁾. Использование ртути в лечебных целях давно известно на Востоке. Ртутью пользовались арабы при лечении кожных заболеваний. И.Т.Пославский считает, что такие сосуды служили в основном хранилищем для масла, а вообще имели различное назначение⁷³⁾. Некоторые исследователи усматривали в них элементы архитектурных украшений зданий, трактовали их как сосуды для духов или хранения воды из священного источника Замзам, видели в них светильники⁷⁴⁾. В последнее время большинство исследователей склоняется к тому, что эти сосуды использовались ранее как хранилище для ртути⁷⁵⁾.

По мнению большинства исследователей, время существования сфероконических сосудов в Средней Азии падает на IX-XIV вв. н.э., а время их наибольшего распространения —

ХШ-ХІУ вв. н.э.⁷⁶⁾ Из употребления эти сосуды вышли гораздо позже, в ХУШ в.⁷⁷⁾ В это время известно употребление сфероконусов в мечетях, когда их укрепляли по обе стороны от кафедры муллы. В дни траура мулла устанавливал в них зажженные свечи⁷⁸⁾. Находки сфероконусов зафиксированы в основном на городищах, иногда их обнаруживают в виде кладов. Однако есть сведения, что изображения сфероконусов находят на кладбищах. Так, например, в окрестностях Казани, на кладбище изображен сфероконус, поставленный на одноногую подставку и выполняющий функцию лампы. Известно еще одно такое же изображение сфероконического сосуда, используемого в качестве лампы, на татарском кладбище ХІУ в.⁷⁹⁾ Сфероконические сосуды встречаются не только в Средней Азии, но и в Закавказье, Крыму, Поволжье, в Египте, Сирии.

В нашей коллекции насчитывается 15 сфероконических сосудов. Большая их часть поступила к нам из коллекции А.И.Смирнова, несколько сфероконусов были получены от Е.Ратнер, один сфероконус от М.В.Столярова.

Основная задача разбора этой серии сосудов заключалась в определении места изготовления сфероконусов, т.к. время их бытования, хотя и в очень широких рамках, но известно и определяется IX-XIV вв.

В числе наших сфероконусов есть два, которые предположительно еще в 40-е годы нашего века были определены как среднеазиатские. Нам кажется, что эти сфероконусы иного происхождения. Для одного из них (522Ш) аналогии обнаружены в коллекции В.Г.Бокка, составленной в Египте⁸⁰⁾. Это сосуд коричневатого-желтого цвета высотой 10 см с шаровидно-коническим туловом и заостренным донцем. По плечикам нанесен орнаментальный пояс, состоящий из штампованного узора в виде гроздьев винограда. Второй сфероконус (2087Ш) высотой 12 см по форме и цвету аналогичен сосудам из Булгар, которые датируются ХШ-ХІУ вв.⁸¹⁾ Это сосуд с шаровидноконическим туловом, резко сужающимся книзу. Он сформован из коричневатокрасной глины и залощен.

Из остальной массы сосудов выделяется сфероконус с инвентарным номером 4946Ш из коллекции А.И.Смирнова, на донце которого обозначено место сбора: "Термез" 1959 г. Он пред-

ставляет собой сосуд высотой 12 см, тулово шаровидное на плоской ножке в виде каблучка. В верхней части тулово снабжено 4 вертикальными выпуклыми глиняными накладками, между которыми в три яруса расположен штампованный орнамент. Первый ярус орнамента состоит из вдавлений треугольников, отграниченных друг от друга ломаной линией, выполненной пунсоном, второй ярус состоит из ромбовидных овалов с сетчатой штриховкой внутри, третий ярус дублирует первый. Характерной особенностью этого сосуда является наличие у него плоской ножки, что вообще свойственно сфероконусам района Термеза⁸²⁾. Кроме того, есть сведения, что сфероконусы с плоским дном встречаются в Ферганской долине⁸³⁾. Аналогичные сосуды известны из Боз-су близ Ташкента⁸⁴⁾. Учитывая надпись на донце сосуда, а также то, что Термез перестал существовать в результате разгрома ордой Чингиз-хана, мы склонны датировать этот сфероконус XII - нач. XIII вв. и определить Термез как место его изготовления.

Несколько сфероконусов мы склонны отнести к Афрасиабу. Прежде всего это сфероконус с инвентарным номером 1978НВ, нижняя часть которого оформлена в виде рыбьего хвоста. Тулово его покрыто штампованным орнаментом в виде кружков, имитирующих рыбью чешую, вдавленных треугольников и пунсоновых точек. Подобные сосуды известны по материалу Ахсыкета XI-XII вв.⁸⁵⁾, Боз-Су XI в.⁸⁶⁾, Афрасиаба⁸⁷⁾. Подобной формы сфероконусы были довольно широко распространены в Средней Азии⁸⁸⁾ и обычно датируются XI-XII вв. н.э. Учитывая то обстоятельство, что в Средней Азии, в частности на Афрасиабе, сосуды в виде рыбы изготавливались еще в IX в., мы датируем этот сфероконус более широко IX-XII вв. н.э.

Следующие два сфероконуса с инвентарными номерами 1979НВ и 2604Ш также относятся к Афрасиабу. Это сосуды высотой 7,8 см и 11,2 см с шаровидно-коническим туловом, сужающимся книзу и переходящим в скругленное дно. Тулово украшено двумя парами как бы вытесанных концентрических кругов. Такие сфероконусы известны по раскопкам Афрасиаба и датированы X-XI вв.⁸⁹⁾ Аналогичный сосуд имелся в коллекции И.Пославского и был приобретен им в Самарканде⁹⁰⁾. Интересно отметить, что орнамент, украшающий эти сфероконусы, восходит

к известному в Согде расписному орнаменту в виде кругов. Подобного вида орнамент известен на афрасиабских изделиях из стекла IX-XI вв. н.э. ⁹¹⁾ Учитывая все вышесказанное, мы склонны отнести эти сосуды к афрасиабским сосудам и датировать их IX-XI вв.

Весьма предположительно определяется принадлежность сфероконауса с инвентарным номером 2605Ш. Этот сфероконаус высотой 17,8 см выделяется из всех формой своего горла, которое имеет сложную фигурную профилировку; эта черта встречается в сфероконаусах Булгар и Хорезма ⁹²⁾. Сфероконаус имеет овальной формы вытянутое тулово с оттянутой нижней частью и округлое дно. Центральная часть тулова имеет четыре выпуклые вертикальные глиняные накладки и украшена штампованным орнаментом в виде кружков и полулунок. По форме и орнаменту этот сосуд аналогичен сосуду из Булгар, опубликованному А.Ф.Лихачевым ⁹³⁾. Определенная сходность наблюдается со сфероконаусами с поселения Замахшар в Хорезме, которые датируются XII-XIV вв. ⁹⁴⁾ Этот тип сфероконаусов характерен для Хорезма, который экспортировал свою продукцию в города Золотой Орды, в том числе и в Булгары. Поэтому мы склонны отнести этот сфероконаус к хорезмийским и датировать его XII-XIV вв.

Остальные сфероконаусы можно определить суммарно как среднеазиатские, и не более. Формы этих сосудов настолько широко были распространены в Средней Азии, что связать их с какой-нибудь исторической территорией не представляется пока возможным.

Среди них можно выделить две хронологические группы: первая группа датируется XI-XII вв., вторая - XII-XIII вв.

К первой группе относятся четыре сфероконауса. Три из них с инвентарными номерами 1859Ш, 5248Ш, 1980НВ объединены вместе по целому ряду признаков, что дает право считать их одновременными. Это сосуды высотой 8,8-11,8 см с округлым туловом, плавно заостряющимся книзу. Край горла оформлен в виде маленького валика. Все сосуды этой группы имеют серовато-зеленую поверхность. Иногда на тулово наносятся 2-3 неглубокие бороздки, расположенные в верхней части тулова, либо тулово украшает орнаментальный пояс, состоящий из отгиснутых штампом пальметок. Такие сфероконаусы были довольно

широко распространены в Средней Азии ⁹⁵⁾. Сфероконаус сходной формы был найден при раскопках Боз-Су и продатирован XI-XII вв. ⁹⁶⁾ По-видимому, сфероконаусы этой формы характерны для этого времени.

К этому же времени мы относим сфероконаус с инвентарным номером 5249Ш. Он представляет собой высокий сосуд (высота 18 см) с шаровидным туловом и оттянутой невысокой уплощенной ножкой. Верхняя часть тулова украшена вертикальными глиняными выпуклыми накладками. По форме он аналогичен сфероконаусам из Кара-Булака, которые датируются XI-XII вв. ⁹⁷⁾

В эту же хронологическую группу мы включаем еще два сфероконауса с инвентарными номерами 5250Ш и 5247Ш. Эти сфероконаусы высотой 9,6-12 см имеют шаровидное тулово, плавно сужающееся книзу, и скругленное дно. Горло заканчивается небольшим валиком. Сосуды имеют зеленоватый цвет и шероховатую поверхность. Тулово сфероконауса с инвентарным номером 5250Ш в верхней части украшено орнаментом, состоящим из чередования кругов, выполненных пунсоном, и вдавленных треугольников. На втором сфероконаусе с инвентарным номером 5247Ш орнамент расположен в верхней части тулова и состоит из кругов, образованных шлифовкой, которые снизу ограничены наклонными пунсонными линиями ⁹⁸⁾. Такой орнамент, состоящий из сочетания вдавленных треугольников и пунсонных линий, на керамике Средней Азии широко бытовал в XI-XII вв. ⁹⁹⁾ По аналогии с такой керамикой мы датировем эти два сфероконауса XI-XII вв.

Ко второй хронологической группе XII-XIII вв. относятся два сфероконауса из нашей коллекции с инвентарными номерами 5251Ш и 1982НВ. Первый из них представляет сосуд высотой 18 см шаровидной формы с округлым дном, горлышко с утолщенным краем и валиком в нижней части. Верхняя часть тулова украшена четырьмя продольными выпуклыми накладками в виде рыб. Орнаментальный пояс в верхней части ограничен бороздками и включает изображение в виде штампованных кругов с розетками внутри. Нижняя часть орнаментального пояса отграничена пунсонными линиями. Учитывая общий характер орнамента (пунсон и накладки в виде рыб), мы склонны датировать этот сфероконаус XII-XIII вв.

Второй сфероконаус с инвентарным номером 1982НВ высотой 2-2 389

16,2 см с грушевидным туловом, сужающимся книзу и переходящим в плоское донце, украшен орнаментом в виде отгиснутых четырехлепестковых розеток, разделенных "елочкой". По характеру орнамента сфероконус датируется XII-XIII вв.

Наблюдения над данной категорией сосудов вызывает целый ряд вопросов. Прежде всего встает вопрос, почему они так внезапно появились, почему их появление совпадает по времени с приходом в Среднюю Азию арабов, каковы основные центры производства этих сосудов и для чего они служили? Ответ на эти вопросы выходит за рамки данного обзора и является предметом специального исследования.

Особую группу в коллекции неполивной керамики Средней Азии составляют три лепных расписных сосуда архаического облика с инвентарными номерами 533Ш, 1949Ш, 5207Ш. Такая керамика датируется либо XI-XII вв. н.э., либо концом XIX - началом XX вв. Крайность в датах имеет свои объяснения. Керамика архаического вида с росписью ангобом привлекла внимание археологов еще в 30-е годы XX в. Впервые такие сосуды были обнаружены на Афрасиабе В.Л.Вяткиным, который сопоставил их с трипольской культурой¹⁰⁰). Уже тогда такая датировка вызвала сомнение у некоторых исследователей¹⁰¹). А.И.Тереножкин, имевший в своем распоряжении точно датированные слои Тараза, пришел к заключению, что такая посуда вместе с ремесленной существовала в предмонгольское время и датируется XI-XII вв. н.э.¹⁰²) К домонгольскому времени относили ее и другие исследователи¹⁰³). Такая керамика получила название "псевдотрипольской" или типа "афрасиабского триполья". Сейчас она хорошо известна по материалам Самарканда, Хульбука¹⁰⁴), Ферганы¹⁰⁵) и датируется XI-XII вв. н.э. В более поздних памятниках такая керамика не зафиксирована вплоть до XIX в. Единственным исключением является керамика XV-XVII вв. в Ургенче¹⁰⁶).

Традиция изготовления расписной керамики возродилась в горном Таджикистане в XIX в.¹⁰⁷). Причем, эта керамика очень напоминает нам керамику типа "афрасиабского триполья" XI-XII вв. н.э. На это сходство в свое время обратил внимание М.М.Дьяконов¹⁰⁸). Наши сосуды представляют три разные формы. Это - кувшин (533Ш) высотой 22 см, миниатюрный горшочек (1949Ш) высотой 3,7 см, диаметр горла 3,7 см и гор-

шок с носиком и ручкой, имеющей в верхней части выступ-навершие (5207Ш) высотой 8,7 см, диаметр горла 7,8 см. Один из этих сосудов (533Ш) находит себе аналогии в керамике, например, Афрасиаба и датируется XI-XII вв. н.э.¹⁰⁹). Два остальных сосуда относятся к кон. XIX - нач. XX вв. и отличаются от предыдущего характером оформления наружной поверхности, толщиной стенок, большей правильностью формы, цветом глины и росписи. Они более легки, менее толстостенны, их форма более симметрична, роспись более аккуратно нанесена на поверхность сосуда и легче читается. Все это сближает их с сосудами, которые стали изготавливать женщины горного Таджикистана в конце XIX в.¹¹⁰)

Остальные сосуды, которые определены нами как среднеазиатские, единичны и относятся в основном к средневековой. Исключение составляет фляга с инвентарным номером 1212Ш с диаметром тулова 25 см. Это сосуд полусферической формы, одна сторона фляги выпуклая, другая - плоская. Горло невысокое, довольно широкое (диаметр 9,8 см). Подобные сосуды на территории Средней Азии распространены очень широко. Они были найдены на строительстве БФК и датируются началом нашей эры¹¹¹). Известны они также по материалам могильника Ширин-сай II-IV вв. н.э.¹¹²), Баш-тепе (первые века нашей эры)¹¹³), Лявандакского могильника (первые века нашей эры)¹¹⁴). Известны они и в материалах Хорезма II-III вв. н.э.¹¹⁵), по материалам Акджар-тепе III-IV вв. н.э.¹¹⁶) Хорошо известна такая форма фляг по могильникам Западной Ферганы I-IV вв. н.э.¹¹⁷). Таким образом, фляги подобной формы широко бытовали в первой половине первого тысячелетия н.э. Этим временем мы склонны продатировать нашу флягу. По-видимому, это были вьючные фляги. Остальные фляги относятся к столовой посуде. Они имеют сходную форму: сферический верх, коническое сужающееся книзу тулово на широком плоском устойчивом дне. Фляги имели две петлеvidные ручки, которые крепились одним концом к тулову, другим - к горлу. Выпуклая лицевая поверхность фляг украшалась прорисованным орнаментом, состоящим из концентрических кругов и волнообразных линий (4963Ш и 4947Ш). Их высота - соответственно 14 см и 12,5 см. Фляги подобной формы известны в Средней Азии по материалам IX-X вв. н.э.¹¹⁸), которыми мы датировем и наши сосуды.

К этому же времени, к IX-XI вв., относятся три кувшины из нашей коллекции с инвентарными номерами 422Ш, 872Ш и 5103Ш, которые поступили в музей от Б.Н.Кастальского и О.И.Смирновой. Кувшины имеют шаровидное тулово, плоский кольцевой поддон и длинное расширяющееся кверху горло. Ручка плоская. Сверху кувшины покрыты светлым ангобом. Размеры их колеблются незначительно. Высота 17,8-18 см, диаметр по венчику 5,6-5,7 см. Кувшины аналогичной формы известны по материалам Пайкенда ¹¹⁹⁾ и Афрасиаба IX-XI вв. ¹²⁰⁾

Два сосуда из нашей коллекции, относящиеся к X-XI вв. н.э., дополняют наше представление о неполивной керамике Средней Азии. Один из них представляет собой горшочек (151Ш) высотой 10,5 см, диаметром 13,5 см с шаровидным туловом, широким горлом на трех ножках-выступах. Верхняя часть тулова покрыта штампованным орнаментом в виде фриза, составленного из 7-лепестковых розеток, отграниченного снизу врезанными удлинёнными расположенными вертикально полосами. Сосуды на трех ножках характерны для керамики Средней Азии X-XI вв., также как характер узора и техника его исполнения ¹²¹⁾.

Второй сосуд 4989Ш из коллекции А.И.Смирнова является уникальным и представляет собой водолей на трех ножках с двумя вертикальными ручками, заканчивающимися наверху выступами-шишечками. Сосуд имел два слива, оформленных в виде головки лошади. Тулово сосуда украшает орнамент в виде штампованных и наlepных розеток. Такие же наleпы-розетки украшают сливы. Сосуд покрыт светлосерым ангобом. Его высота 29 см, диаметр горла 13 см. Известно, что он был найден на городище Ахсыкет. Абсолютных аналогий этому сосуду не найдено. Однако некоторые реплики, помогающие установить его дату, все-таки имеются в керамическом материале Средней Азии.

Первоначально водолей был датирован VI-VII вв. н.э. ¹²²⁾ Нам кажется, что его можно датировать X-XI вв. в силу целого ряда причин. Во-первых, в залах Государственного Эрмитажа экспонируется сосуд из коллекции И.И.Краузе ¹²³⁾, который также как и наш сосуд имеет ручки с шишечками наверху, сливы, которые, к сожалению, отбиты и форма их неизвестна, нож-

ки-выступы и наlepной орнамент, аналогичный орнаменту, украшающему наш водолей. Этот сосуд экспонируется в разделе искусства Средней Азии X-XI вв. Во-вторых, сосуды на трех ножках с ручками, имеющими выступы-шишечки наверху и орнамент в виде наlepов-розеток, хорошо известны в X-XI вв. в Средней Азии и, в частности, в Пайкенде ¹²⁴⁾. Все это позволяет нам отнести этот сосуд к X-XI вв. н.э.

Водолей интересен не только своей уникальностью, но и тем, что демонстрирует преемственность и устойчивую линию развития керамики X-XI вв. с керамикой доарабского времени.

Сосуды со сливами, оформленными в виде головок животных, в частности быка, известны в Средней Азии по керамике Согда, где они встречаются в слоях VI-VII вв. н.э. Традиция их изготовления сохранилась, как теперь очевидно, и после прихода арабов в Среднюю Азию, с той лишь разницей, что теперь сливы стали оформлять в виде головки лошади. Изображение лошади на сосуде для воды вполне закономерно, т.к. в искусстве Средней Азии издавна существовал образ аспоби - водного конька, покровителя воды. Этот образ известен в Средней Азии уже в период раннего средневековья ¹²⁵⁾. Впоследствии иногда он изображался в паре с рыбой - символом водной стихии. Такого изображения на блюде X-XI вв. из Афрасиаба ¹²⁶⁾. Образ этот был очень любим и сохранялся в народном фольклоре вплоть до недавнего времени. ¹²⁷⁾

1) Поливная керамика в настоящее время обрабатывается сотрудником музея В.И.Шляховой.

2) Коллекция Б.Н.Кастальского частично поступила в Государственный Эрмитаж и около 225 единиц в Государственный музей восточных культур.

3) Коллекция А.И.Смирнова, переданная в Музей, насчитывает около 465 единиц.

4) Керамика с пос.Кайрагач готовится к печати Г.А.Брыкиной. О керамике Дингильдже см. М.Г.Воробьева, Дингильдже-усадыба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме, М., 1973.

5) Отдельные упоминания о некоторых сосудах эпохи энеолита из собрания Музея и их воспроизведения имеются в литературе. См., например, Г.А.Пугаченкова, Искусство Туркменистана, М., 1967, с. 24-25 (I-II).

6) В.М.Массон, Энеолит южных областей Средней Азии, ч. I, Свод археологических памятников, М.-Л., 1962.

7) Г.А.Пугаченкова, ук.соч., с. 21-22.

8) Г.Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, с. 214.

9) Г.А.Пугаченкова, ук. соч., с. 22.

10) Часть коллекции керамики Кара-тепе хранится в Государственном Эрмитаже.

11) Подробно о керамике Кара-тепе см. Н.С.Сычева, Керамика Кара-тепе, сб. "Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе", М., 1975.

12) А.М.Мандельштам, Кочевники на пути в Индию, МИА, 136, 1966, табл. XX-XXIII.

13) А.М.Мандельштам, Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г., Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. 5, Сталинабад, 1959, с. 145, рис. 6, I.

14) А.И.Тереножкин, Согд и Чач, КСИИМК, 33, 1950, рис. 69, Г.В.Григорьев, Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда, КСИИМК, 13, 1946, с. 151.

15) Аналогичные сосуды из Тали-Барзу хранятся в музее истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифрами А-55-553, А-181-1057, А-180-1644.

16) Г.В.Григорьев, Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. П, Л., 1940, с. 92.

17) Т.Н.Книпович, Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода, КСИИМК, 28, 1949, с. 76.

18) Б.Я.Ставиский, О датировке ранних слоев Тали-Барзу, СА, 2, 1967, с. 27.

19) Приношу искреннюю благодарность Б.И.Маршаку за помощь в разборе нашей коллекции.

20) Аналогичный сосуд хранится в музее истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифрами А-210-8.

21) Б.И.Маршак, Отчет о работах на объекте КП, МИА, 124, 1964, с. 223, р. 23, 5, 12, 13.

22) Б.Я.Ставиский, Археологические работы в бассейне Матган-Дарьи в 1957 г., Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. 5, Сталинабад, 1959, с. 77, рис. 6.

23) А.И.Тереножкин, Раскопки в кухендизе Пенджикента, МИА, 15, 1950, табл. 43, I.

24) И.Б.Бентович, Керамика Пенджикента, МИА, 37, 1953, с. 142, р. 13, А.М.Беленицкий, Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента, МИА, 66, 1953, с. 129, р. 23; И.Б.Бентович, Керамика верхнего слоя Пенджикента, МИА, 124, с. 287, р. 26 и 27; А.И.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков, Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, с. 58, р. 27.

25) И.Б.Бентович, Керамика верхнего слоя..., с. 285.

26) А.М.Беленицкий, Общие результаты раскопок..., с. 130.

27) А.И.Тереножкин, Согд и Чач, рис. 69, XI и с. 167. Аналогичные кружки с городища Афрасиаб хранятся в фондах музея истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифрами А-50-166, А-6-104 и датированы второй половиной VIII в. н.э. Приношу искреннюю благодарность Г.В.Пишикиной за помощь в разборе нашей коллекции.

28) И.Б.Бентович, Керамика верхнего слоя..., с. 285, рис. 23.

29) Аналогичная кружка хранится в фондах музея истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифром А-50-140.

30) Г.В.Григорьев, К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, КП, 1946, с. 96.

31) А.М.Беленицкий, Древний Пенджикент, СА, 1959, I, с. 208.

- 32) И.Б.Бентович, Керамика Пенджикента, с. 139, рис.6.
- 33) Л.И.Альбаум, Раскопки замка Занг-тепе, ИМКУ, вып.4, Ташкент, 1963, с. 79, р. 4, 25.
- 34) Б.И.Маршак, Согдийское серебро, М., 1971.
- 35) А.А.Зимин, Отчет о весенних и летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда, Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1915.
- 36) М.М.Дьяконов, Керамика Пайкенда, КСИИМК, 28, 1949, с. 91.
- 37) Г.Н.Балашова, К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX-X вв., Труды Государственного Эрмитажа, т. 5, Л., 1961.
- 38) Там же.
- 39) Там же.
- 40) В.Л.Вяткин, Афрасиаб - городище бывшего Самарканда, Самарканд, 1927, с. 35.
- 41) В.Л.Вяткин, там же.
- 42) С.Б.Лунина, Гончарное производство в Мерве X - нач. XII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, Г.А.Пугаченкова, Мастер - керамист Мухаммед-Али Инойтон из Мерва, СА, 2, 1958.
- 43) М.Е.Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, рис. 19.
- 44) М.Е.Массон, Городища Старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН СССР, серия I, вып. 2, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1940, с. 99.
- 45) М.М.Дьяконов, ук. соч., с. 91, рис. 22-23.
- 46) Н.С.Гражданкина, К истории керамического производства в Средней Азии, ИМКУ, вып. 5, 1964, с. 196, р. 8, с. 195, р. 7.
- 47) Н.С.Гражданкина, ук. соч., с. 174; М.Е.Массон, Городища Старого Термеза..., с. 99; В.Ф.Гайдукевич, Работы

- фаркадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг., КСИИМК, 14, 1947, с. 103.
- 48) Г.А.Пугаченкова, Мастер-керамист..., с. 88.
- 49) Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, История искусств Узбекистана, М., 1965, илл. 239.
- 50) М.М.Дьяконов, ук.соч., рис. 22,2.
- 51) Н.С.Гражданкина, ук.соч., с. 196, р. 8.
- 52) Г.А.Пугаченкова, Мастер-керамист..., с. 83, рис. 8, с. 84; С.Б.Лунина, Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII - нач. XIII вв. в квартале керамистов Старого Мерва, Труды Ташкентского Государственного Университета им. В.И.Ленина, вып. V, Ташкент, 1960.
- 53) Л.И.Альбаум, Баладык-тепе, Ташкент, 1960, с. 185, рис. 138.
- 54) А.М.Беленицкий, Общие результаты раскопок..., с.152.
- 55) В.А.Шипкин, Архитектурная декорация дворца в Варахше, Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. 4, Л., 1947, с. 253.
- 56) В.Л.Воронина, Резное дерево Зарафшанской долины, МИА 15, 1950, табл. X и XI.
- 57) Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, ук.соч., илл. 231.
- 58) С.П.Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, табл. 56.
- 59) Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, ук. соч., илл. 215.
- 60) Р.М.Джанполадян, Сфероконические сосуды из Двина и Ани, СА, I, 1958, с. 207, рис. 6.
- 61) Д.Д.Букинич, Новые данные о назначении загадочных сфероконических сосудов, Социалистическая наука и техника, 8, 1938, с. 58, рис. 8.
- 62) Л.И.Ремпель, Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, с. 101, рис. 37,4.
- 63) Размеры сосуда не указываются, т.к. верхняя часть его утрачена.
- 64) Е.А.Давидович, Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи, КСИИМК, 80, 1960, с. III, рис. 27,2.
- 65) Там же, с. II3.
- 63) М.Е.Массон, Городища Нисы в селении Багир..., рис. 34.

67) Хранятся в фондах музея истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифрами А-50-203, А-50-202, А-50-200.

68) Экспонируются в залах Эрмитажа в разделе "Искусство Средней Азии XI-XII вв".

69) В.Л.Вяткин, ук.соч., с. 57-60.

70) Там же.

71) Н.Ф.Высоцкий, Несколько слов о древностях Волжской Булгарии, Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете, вып. 4, т. 24, Казань, 1908, с. 349.

72) Н.П.Сычев, К вопросу о булгарских сфероколических сосудах, КСИИМК, 14, 1947, с. 72.

73) И.Т.Пославский, О глиняных сосудах с коническим дном, Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент, 1905, с. 16.

74) В.А.Городцов, Древние мусульманские светильники в виде сфероколических глиняных сосудов, Труды Государственного Исторического музея, вып. I, М., 1966, с. 161-162; В.Л.Вяткин, ук. соч., с. 58-59; Н.П.Сычев, ук.соч., с.71-72.

75) Б.В.Лунин, К вопросу о функциональном назначении сфероколических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI века, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.

76) В.А.Городцов, ук.соч., с. 152.

77) М.В.Борзов, Проблема древности сифилиса в Средней Азии, Ташкент, 1936, с. 128.

78) В.А.Городцов, ук. соч., с. 164.

79) Там же, с. 161-164.

80) Э.Ленц, О глиняных сосудах с коническим дном, находящихся в пределах мусульманского Востока, Записки Восточного Отделения императорского русского археологического общества, т. 15, вып. 4, 1904, табл. У, 2.

81) А.Ф.Лихачев, О загадочных сосудах сфероколической формы из Волжской Булгарии, Труды IУ Археологического съезда, т. I, Казань, 1884, табл. П, 9.

82) Р.М.Джанполадян, ук. соч., с. 206.

83) Л.И.Альбаум, О гончарном производстве на Афрасиабе в X-XI вв., сб. "Афрасиаб", вып. I, Ташкент, 1969, с. 259.

84) Д.Д.Букинич, ук.соч., с. 55, рис. I и 2.

85) Р.М.Джанполадян, ук.соч., с. 207, рис. 6.

86) Д.Д.Букинич, ук.соч., с. 57, рис. 7.

87) Р.М.Джанполадян, ук.соч., с. 206.

88) Хранятся в фондах Эрмитажа под шифром СА-1284, СА-1290.

89) Л.А.Альбаум, О гончарном производстве..., с. 261, рис. 2. Аналогичные сосуды хранятся в фондах Эрмитажа под шифрами СА-1095, СА-1112, СА-1115.

90) И.Т.Пославский, ук. соч., № 18.

91) Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, ук.соч., илл. 214.

92) Н.Н.Вактурская, Классификация средневековой керамики Хорезма IX-XIV вв., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 4, М., 1959, с. 314 и рис. 36, 64.

93) А.Ф.Лихачев, ук.соч., табл. П, 2.

94) Н.Н.Вактурская, ук.соч., с. 327, рис. 64.

95) Хранятся в фондах Эрмитажа под шифрами СА-1114, СА-1067, СА-1064.

96) Д.Д.Букинич, ук.соч., с. 57, рис. 6 (справа, верхний).

97) Г.А.Брыкина, Кара-Булак, М., 1974, с.69, р.43, I-2. Аналогичной формы сфероколический сосуд хранится в фондах Эрмитажа под шифром СА-1050.

98) Аналогичные сфероколические сосуда хранятся в фондах Эрмитажа под шифрами СА-1048, СА-1081.

99) А.Н.Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, с. 161, рис. 70.

100) В.Л.Вяткин, ук.соч., с. 38-40.

101) Б.П.Денике, Прикладное искусство Средней Азии, Художественная культура Советского Востока, М.-Л., 1931, с. 54-55.

102) А.И.Тереножкин, Литература по археологии Узбекистана, ВДИ, I, с. 190-191.

103) А.Н.Бернштам, К пересмотру формально-типологических схем, КСИИМК, 29, 1949, с. 19; В.Ф.Гайдукевич, ук. соч., с. 108.

104) Б.А.Литвинский, Археологическое изучение Таджики-

стана советской наукой, Труды института истории, археологии и этнографии АН Тадж ССР, XXVI, 1954, с. 62.

105) Ю.А.Заднепровский, Средневековая ремесленная керамика Ферганы, КСИА, 120, 1969, с. 39-45.

106) Н.Н.Вактурская, ук. соч., с. 332, рис. 39, I, 2.

107) Е.И.Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М., 1959.

108) М.М.Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, МИА, 15, 1950, с. 179.

109) В.Л.Вяткин, ук. соч., с. 37, табл. IV, с. 38, табл. V.

110) Е.И.Пещерева, ук. соч., с. 79-84.

111) Т.Г.Оболдуева, Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И.В.Сталина, Труды института истории и археологии АН УзССР, т.4, Ташкент, 1951, табл. I, 9, с. 12 и 17.

112) В.Ф.Гайдукевич, Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане, СА, XVI, с. 342.

113) В.А.Шишкин, Археологическая разведка на Баш-тепе, Труды института истории и археологии АН УзССР, т.8, Ташкент, 1956, с. 168, рис. 3, 13а и с. 171.

114) О.В.Обельченко, Лявандакский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 52, рис. 13,8.

115) С.П.Толстов, ук. соч., с. 109.

116) Хранится в фондах музея истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифром А-388-5.

117) Б.А.Литвинский, Керамика из могильников Западной Ферганы, М., 1973.

118) Аналогичные фляги хранятся в фондах музея истории искусства и культуры Узбекской ССР в Самарканде под шифрами А-50-175, А-3-1.

119) Аналогичные сосуды из Пайкенда экспонируются в залах Эрмитажа в разделе "Искусство Средней Азии IX-XI вв."

120) В.Л.Вяткин, ук. соч., с. 35, рис. 40.

121) Подобные сосуды известны по керамике Афрасиаба, см. Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, ук. соч., илл. 236.

122) А.И.Смирнов, Керамика Ахсыкета, ДИ, I, 1960, с.46.

123) Приношу искреннюю благодарность Т.И.Зеймаль за предоставленные в мое распоряжение материалы.

124) Коллекция керамики Пайкенда хранится в фонде Эрмитажа, см., например, образец под шифром СА-III53.

125) А.М.Беленицкий, Новые памятники искусства древнего Панджикента. Опыт иконографического истолкования, сб. "Скульптура и живопись древнего Панджикента", М., 1959, с. 70-76.

126) Г.А.Пугаченкова, Л.И.Ремпель, ук. соч., вклейка между страницами 208 и 209.

127) А.М.Беленицкий, Новые памятники искусства..., с.76.

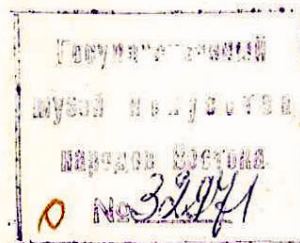
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА
НАРОДОВ ВОСТОКА

СА-708

С-63.

С О О Б Щ Е Н И Я

Выпуск III

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

Москва 1970

Н.С.Сычева

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Одной из наиболее сложных проблем в древней истории Средней Азии, решением которой вот уже около двухсот лет занимаются многие ученые, является так называемая "кушанская проблема". Эта проблема включает круг вопросов, связанных с историей целого ряда стран и территорий Средней Азии, Индии, Афганистана. Некоторые вопросы, входящие в эту проблему, в настоящее время уже разрешены или близки к разрешению, некоторые же находятся еще в стадии постановки.

Краеугольным камнем кушанской проблемы является хронология кушанских царей, которая до сих пор не может считаться раз и навсегда твердо установленной. Решить вопрос хронологии можно лишь в результате комплексного изучения памятников архитектуры и искусства, нумизматических материалов и керамики. Кушанские монеты и скульптура не раз становились предметом исследований, а кушанская керамика вплоть до 50-х годов нашего столетия оставалась падчерицей у археологов, занимающихся кушанской проблемой как у нас в стране, так и за рубежом¹.

В Советском Союзе исследователи кушанской керамики основное свое внимание сосредоточили на изучении керамики Северной Бактрии, т.е. районов, расположенных на территории нашей страны, поэтому история изучения кушанской керамики в Советском Союзе тесно связана с историей археоло-

гического изучения Средней Азии вообще, в которой можно выделить три периода.

Первый период начинается в 1926 г., когда в район Старого Термеза направляется первая советская археологическая экспедиция в Средней Азии, организованная Государственным музеем Восточных культур. Экспедиция продолжила свою работу в Старом Термезе и в следующем, 1927 г. Результаты работы этой экспедиции были освещены в статьях руководителя экспедиции Б.П.Денике².

В 1936-1938 гг. тоже в Старом Термезе работала комплексная экспедиция, которую возглавляли М.Е.Массон. Перед экспедицией ставилась задача широкого изучения всего городища Старого Термеза с выявлением всех встречающихся там групп памятников материальной культуры различных эпох с упором на разрешение общих вопросов исторической топографии города, которые позволили бы ориентироваться в истории его развития. Работы велись несколькими отрядами на разных объектах³. В раскопках принимали участие Б.Б.Пиотровский, Е.Г.Пчелина, М.И.Вязьмитина, В.В.Шишкин, В.Д.Жуков.

В 1940-1941 гг. в "Трудах Узбекистанского филиала АН СССР" была опубликована статья Б.Б.Пиотровского "Раскопки на Чингизтепе", в которой автор высказал мнение о том, что керамика, найденная в раскопанных помещениях, относится к кушанскому времени⁴.

Отчет о раскопках Е.Г.Пчелиной в 1937 г. на Кара-тепе был опубликован лишь в 1964 г.⁵, но эта работа по своему характеру, безусловно, относится к рассматриваемому периоду, поскольку осмысление материала, видимо, происходило как раз в конце 30-х - начале 40-х годов. В своем отчете Е.Г.Пчелина, анализируя керамику найденную при расчистке пещерных помещений холма Кара-тепе, который был определен как пещерный буддийский монастырь, делает попытку разбить ее на группы. В основу этого разделения Е.Г.Пчелина положила место находки и внешний вид посуды. По этим двум признакам глиняная посуда Кара-тепе была разбита на три группы с выделением ранней и поздней керамики. К сожалению, при характеристике каждой группы в этой работе не дается ни размеров, ни характерных особенностей каждой из них. Это можно объяснить тем, что в то время еще не была разработана методика исследования керамических комплексов.

Значительным шагом вперед в изучении керамики кушанского времени явилась статья М.И.Вязьмитиной "Керамика Айртама времени кушанов", в которой были изложены результаты обработки материала экспедиции 1937 г.⁶ Эта работа вышла в свет в 1945 г. Перед М.И.Вязьмитиной стояла трудная задача: впервые дать квалифицированное описание керамики. Керамический материал, опубликованный М.И.Вязьмитиной, происходит, по ее мнению, из помещений монастыря и частично из мусорной ямы позднего происхождения. Автор статьи не придерживался строгой классификации или типологизации, а давал лишь суммарное описание керамического материала, объясняя это тем, что считает свою работу простым "перечислением наиболее распространенных глиняных типовых форм айртамской керамики", общей "характеристикой одного лишь пункта керамического производства времени кушанов". При описании всю керамику М.И.Вязьмитина по ее назначению делит на три группы. К первой группе она относит сосуды хозяйственного назначения — хум, хумча, амфоровидные сосуды, кувшины, горшки, котелки, тагоры, тазы. Во вторую группу входят сосуды более тонкой выделки, употреблявшиеся для пищи или питья — блюда, тарелки, чашки, бокалы, кубки, сосуды с боковым носиком. В третью группу были включены сосуды культового характера. В отдельных случаях М.И.Вязьмитина при описании той или иной формы обращает внимание на детали: форму ручки, место крепления ее к венчику и тулову сосуда, характер лощения, место нанесения ангоба, дает подробные сведения о некоторых приемах украшения посуды, например о лощении. Однако с другой стороны, все венчики сосудов она описывает суммарно, не разделяя их на типы. М.И.Вязьмитина разбирает также некоторые вопросы технологии изготовления посуды, приводя данные химического анализа глины, пытается проследить какие-то аналогии по керамике и установить связи керамики Айртама с другими районами. В частности, она первая обратила внимание на сходство витых ручек на посуде Айртама, Термеза, Ольвии и Придонья. Она неоднократно отмечает близость айртамской керамики с керамикой Ольвии и парфянской керамикой Селевкии. В общей массе полученный материал М.И.Вязьмитина датирует I—У вв. н.э.

Значение статьи М.И.Вязьмитиной для того времени трудно переоценить. Сразу же после ее появления эта работа стала тем ориентиром, по которому определяли свой материал многие раскопщики.

Так, В.В.Шишкин, опубликовавший в 1945 г. свою статью "Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза"⁷, уже отмечает близость кушанской керамики "Кургана" с керамикой Айртама. Однако большинство работ по керамике в это время носили описательный характер — именно простое описание было единственным видом обработки керамики. Некоторые археологические работы уделяли керамике еще меньшее внимание. Так, в статье В.Д.Жукова "Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза", вышедшей в свет в 1945 г.⁸, дается лишь два рисунка керамики и небольшое пояснение к ним.

Таким образом, с 1926 по 1945 г. внимание археологов в Средней Азии было сосредоточено на выявлении и фиксации памятников в районе Старого Термеза. При обработке раскопчного материала, в отчетах о работах археологи лишь отмечали наличие керамики в раскопках, иногда давая ее суммарное описание. Исключение составляет работа М.И.Вязьмитиной, которая является своего рода предвозвестником второго периода в истории изучения кушанской керамики Северной Бактрии.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны в республиках образуются археологические отряды, все внимание которых было направлено на сплошное археологическое обследование Средней Азии и составление археологических карт.

Внимание археологов привлекают районы Таджикистана, в частности долина реки Кафирниган. Здесь в течение нескольких лет работал М.М.Дьяконов. Впервые эти работы велись здесь и в прилегающих районах в 1946–1947 гг. В своей отчетной статье об этих двух полевых сезонах "Работы Кафирниганского отряда", которая была опубликована в 1950 г.⁹, М.М.Дьяконов приводит описание девяти исследованных пунктов, среди которых особое место отводит раскопкам некрополя в урочище Туп-хона. Описав подробно как сами погребения,

так и вещи, сопровождавшие погребенных, М.М.Дьяконов распределяет погребения на четыре типа. Древнейшими из них он считает погребения (тип ІУ) со скорченными костяками и относит их к эпохе бронзы. Погребения типа ША датируются им I в. до н.э. – I в. н.э., а погребения типа ШБ – кушанским временем, т.е. I–III вв. н.э. В обряде последних погребений он усматривает сходство с эллинистическими, предполагая в то же время местное его происхождение. Погребения типов ПА и ПБ датируются им предположительно ІУ–УІ вв. н.э., погребения І типа – второй половиной I тысячелетия н.э.

Работы Кафирниганского отряда продолжались в 1950 г. на городище Кей-Кобад-шах, где было заложено два стратиграфических раскопа 10 x 8 и 8 x 8 м и на городище Калаи-Мир. Керамика с обоих городищ была суммирована, и М.М.Дьяконов на материале из Кобадияна (городища Кей-Кобад-шах и Калаи-Мир) попытался установить хронологические этапы в развитии керамики кушанского времени в Северной Бактрии. Этой цели М.М.Дьяконов посвятил свою работу "Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950–1951 гг.)", появившуюся в печати в 1953 г. ¹⁰ Поскольку хронологическая шкала, выработанная М.М.Дьяконовым, в течение многих лет считалась универсальной датирующей шкалой, остановимся на основных ее положениях более подробно.

В керамике Кобадияна М.М.Дьяконов различает пять этапов.

Кобадиян I. Керамика, относящаяся к этому этапу, известна только с южного участка раскопа ПА на городище Калаи-Мир. Большая часть керамики сделана на гончарном круге. Подавляющее число сосудов – из тонкой хорошо отмученной глины, черепок ярко-красный, хорошо обожженный. Снаружи сосуды чаще всего покрыты белым или желтоватым ангобом. Стенки сосудов цилиндрической формы вогнуты внутрь; в нижней четверти этих сосудов заметен характерный перегиб, образующий ребро. Дно таких сосудов всегда меньше горловины. Датируется этот тип на основании аналогий с материалами Гяуркалы, Афрасиаба и Кызели-Гыра УІ–ІУ вв. до н.э.

Кобадиян II. Этот этап прослеживается на городище Ка-

лаи-Мир и Кей-Кобад-шах. Он дает богатый ассортимент керамики, сделанной на гончарном круге. М.М.Дьяконов делит керамику на два типа – сероглиняную с серым или черным ангобом и красноглиняную с красным или коричневым ангобом (реже желтоватым). По ангобу довольно часто наносится лощение в виде вертикальных, реже горизонтальных полос. Сероглиняная керамика впервые появляется на этапе Кобадиян II, в Кобадиян I ее нет совсем, а в слоях ІУ и У она встречается единичными экземплярами. Для сероглиняной посуды ведущими формами являются открытые чаши – тарелки с отогнутым или загнутым внутрь бортиком на сплошном поддоне. В красноглиняной посуде ведущими формами являются амфоровидные сосуды с двумя ручками, чаши-тарелки с отогнутым бортом, бокалы на устойчивой ножке. Орнаментация на сосудах почти отсутствует. Кобадиян II соответствует по времени Афрасиабу II и датируется М.М.Дьяконовым серединой III–I вв. до н.э.

Кобадиян III. Этот слой прослеживается на всей площади раскопа ІА на городище Кей-Кобад-шах. В керамике по-прежнему существуют два типа – сероглиняная и красноглиняная. На зеркалах сероглиняных тарелок встречаются отиски штампов. Ведущей формой в красноглиняной посуде является корчага с двумя ручками. Все большее распространение получает орнамент в виде прочерченной волнистой линии, появляющийся как на внешней стороне сосуда (корчаги), так и на внутренней (тарелки с отогнутым бортом). В этом слое на сосудах появляются ручки в виде животных, сближающие этот тип, по мнению М.М.Дьяконова с этапом Каунчи II. Кроме того, Кобадиян III аналогичен Беграму I, Афрасиабу ІУ, Тали-Барзу I и Каунчи II, что определяет его абсолютную хронологию I в. до н.э. – I в. н.э.

Кобадиян IV. Этот слой хорошо выявляется в раскопе ІА на городище Кей-Кобад-шах. В этот период совершенно нет сероглиняной керамики. Красноглиняная керамика становится более массивной, преобладают крупные сосуды, появляются кувшины, полностью отсутствующие на ранних этапах. Большинство сосудов покрыто красным или коричневым ангобом. Лощение почти совсем исчезает. Орнаментика становится более разнообразной. Чаще всего это – волнистые линии, про-

черченные ромбические рисунки, сочетающиеся со штампом. Своеобразным отличительным признаком этого этапа является крупная пальцевая вмятина под ручкой кувшинов. Керамика этого этапа, по мнению М.М.Дьяконова, аналогична слою конца Беграм I и Беграм II. Датируется этот этап II в. н.э.

Кобадиян У. Прослеживается по верхнему слою всего городища Кей-Кобад-шах. Здесь совершенно нет сероглиняной керамики. Много кумов, сделанных от руки, есть тарелки с отогнутым бортом, украшенным штампом с растительными мотивами, шаровидные кувшинчики с носиком, большие кувшины с двумя ручками и цилиндрическим горлом. Характерной формой являются тарелки с отогнутым бортом и двумя вертикальными ручками. Все большее распространение получает волнистый орнамент, часто встречается ромбический рисунок. Характерен кружковый пунсонный орнамент и растительные штампы. По мнению М.М.Дьяконова, абсолютная дата этого этапа не может быть установлена достаточно твердо, поскольку после Кобадияна IU в жизни города имеется пауза, и предварительно определяется III-IU вв. н.э.

Вскоре после своего появления в печати схема М.М.Дьяконова вызвала сомнения у ряда исследователей. В 1955 г. появляется рецензия Ю.А. Заднепровского и В.М.Массона "Новые материалы по археологии Таджикистана" II. Авторы рецензии указывают, что вследствие ограниченности проведенных раскопочных работ ряд вопросов остается не вполне ясным. Так, не ясны хронологические рамки древнебактрийского этапа: UP - V вв. до н.э., UI-IU вв. до н.э., что оговаривает и сам М.М.Дьяконов: "Датировать этот этап следует UI-IU вв. до н.э., хотя возможна и более ранняя датировка". Ю.А.Заднепровский и В.М.Массон отмечают также, что трудно расчленивать материал этапов Кобадиян II и III и приходят к выводу, что скорее всего материал Кобадияна II и III относится к одному историческому периоду, постепенные изменения внутри которого еще трудно уловить.

После рецензии Ю.А.Заднепровского и В.М.Массона в 1956 г. схема М.М.Дьяконова была еще раз частично пересмотрена А.А.Марущенко в работе "Хосров-кала" I². При обработке материала из слоя Хосров-кала III он обратил внимание на сходство керамики этого слоя, слоя Кобадиян IU и слоев

II-III вв. н.э. из Гаур-калы Мерва. Поэтому А.А.Марущенко высказал предположение, что Кобадиян IU датируется не II в. н.э., а II-III вв. н.э., а Кобадиян У датируется IU-V вв. н.э.

Наряду с раскопками в Таджикистане и работами по исправлению и пересмотру хронологической шкалы М.М.Дьяконова значительные работы разворачиваются в Узбекистане. В центре внимания археологов Узбекистана по-прежнему оставался район Термеза. Именно сюда в 1948 г. был направлен отряд по изучению археологических памятников Сурхан-Дарьинской области. В задачу отряда входило рекогносцировочное обследование археологических памятников расположенных по правобережью Аму-Дарьи от устья Вахша до Термеза. Фиксация и описание обнаруженных и обследованных памятников даны в работе начальника этого отряда Л.И.Альбаума "Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948-1949 гг.)", вышедшей в 1955 г. I³ За время работ отряда было зафиксировано несколько городищ, в том числе Тахта-Кувад и Мела, давшие кушанскую керамику. Особое внимание участников экспедиции привлекло городище Зар-тепе в 26 км. к северо-западу от Термеза. Это городище в 1948 г. не копалось, был собран лишь подъемный материал, в том числе и керамика. Л.И.Альбаум делит всю керамику на два периода. К первому периоду он относит керамику III-I вв. до н.э. Что же касается керамики второго периода, то Л.И.Альбаум пишет: "Керамику второго, кушанского периода можно разделить на два типа - раннекушанскую и позднекушанскую". К первому типу он относит керамику с красным и черным ангобом, с полосчатым лощением, со штампом в виде елочки, кружков, ромбов, различных розеток, "ступни Будды". Л.И.Альбаум считает, что большинство этих фрагментов существовало в одно и то же время. Ко второму типу по классификации Л.И.Альбаума относится керамика со штампом и ангобом, но ангобированной посуды здесь меньше, чем в керамике первого типа. На основании иногда не совсем убедительных аналогий с керамикой Айртама первый тип датируется автором I - II вв. н.э., а в второй - III - IU вв. н.э. Кроме разделения керамики Зар-тепе на две хронологические группы, Л.И.Альбаум в статье поставил вопрос о причинах появления в кушанской керамике некоторых видов штампов, в частности

"ступни Будды". Он объясняет появление этого штампа проникновением в Среднюю Азию буддизма. В этой же статье автор дает суммарное описание керамики с большого городища Хайрабад-тепе в 30 км от Термеза.

Систематическое изучение Анхорской группы памятников началось с 1950 г. В 1951-1952 гг. основные работы велись на городище Зар-тепе. Эти работы освещены в монографии Л.И.Альбаума "Балалык-тепе", вышедшей в 1960 г.¹⁴ Во время этих работ на городище был заложен шурф, который дал материал, подтверждающий высказанное ранее предположение Л.И.Альбаума о делении керамики Зар-тепе на два периода. Кроме того, Л.И.Альбаум отметил, что высказанное ранее мнение М.М.Дьяконова о том, что штамп в Северной Бактрии пришел на смену ангобированию и лощению, не подтверждается для Сурхан-Дарьинской области.

Таким образом, уже в начале 50-х годов в результате накопления керамического материала появилась возможность ставить некоторые вопросы, связанные с этапностью и локальными особенностями кушанской керамики Северной Бактрии. Первая такая попытка принадлежит М.М.Дьяконову. Но его хронологическая шкала постоянно пересматривалась.

Вскоре после работ Ю.А.Заднепровского, В.М.Массона и А.А.Марущенко схема М.М.Дьяконова была уточнена в работе А.М.Мандельштама и С.Б.Певзнера "Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг."¹⁵. А.М.Мандельштам и С.Б.Певзнер продолжили работы М.М.Дьяконова на городище Кей-Кобад-шах. Их основной целью было изучение оборонительных сооружений: городища: башен и городской стены. При обследовании этих объектов была обнаружена керамика. По аналогии со шкалой М.М.Дьяконова они относят ее к тому или иному этапу, оговаривая при этом, что этап Кобадиян IV датируется II-III вв. н.э., в то время, как у М.М.Дьяконова он датирован только II в. н.э. Кроме оборонительных сооружений, на городище исследовалось его внутреннее пространство. В результате работ 1953 г. в одной части городища был обнаружен участок со свалкой, который получил название "коридор". На полу коридора залегал культурный слой. В юго-западном углу коридора непосредственно на культурном слое была обнаружена свалка, причем граница между культурным слоем и свалкой просле-

живалась в виде утоптанной поверхности культурного слоя, т.е. свалка образовалась позже культурного слоя, а не одновременно с ним. Таким образом, здесь можно было проследить стратиграфическую смену керамики, что и сделали авторы раскопок. В отчете они дали подробное описание керамики, следуя схеме описания М.М.Дьяконова. Обработывая керамику культурного слоя и свалки, А.М.Мандельштам и С.Б.Певзнер уточнили датировку Кобадиян II. Дело в том, что в свалке был найден обол Герая. Эта монета датирует свалку не позднее I в. н.э., так как "эти монеты, несомненно, вышли из обращения вскоре после образования Кушанского государства". Если свалка начала свое существование немного раньше, чем попала в нее монета, то свалка и керамика из нее датируются I в. до н.э. - I в. н.э., то есть концом этапа Кобадиян II - Кобадиян III. Следовательно, культурный слой, образовавшийся ранее свалки, датируется ранее I в. до н.э. Так как его толщина очень невелика (10-12 см), то значит и время его образования сравнительно коротко, а следовательно он соответствует этапу Кобадиян II, который таким образом, по мнению А.М.Мандельштама и С.Б.Певзнера, датируется II-I вв. до н.э., а не III-I вв. до н.э., как считал М.М.Дьяконов. Таким образом была внесена еще одна поправка в схему М.М.Дьяконова, и между этапами Кобадиян I и Кобадиян II образовался разрыв во времени.

В конце 50-х годов основное внимание археологи продолжают уделять археологическому обследованию районов. Особенно широко эти работы развернулись в Таджикистане. Энтузиасты своего дела Б.А.Литвинский и Т.И.Зеймаль исколесили сотни километров, чтобы заполнить на карте белые пятна. Результатом их поездок явились отчетные статьи в "Трудах института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР", где дается публикация материалов, в том числе и керамики, с вновь выявленных памятников. Так стала известна керамика из погребений на Сталинабадских холмах¹⁶, с юга Паркарского района¹⁷, из Хайт-Тула¹⁸, с поселения Курганча¹⁹, Узбеккон-Тепе²⁰, Халкаджар²¹.

В Узбекистане стал раскапываться в это же время шахристан Хайрабад-тепе. В отчетной работе "Археологическая

разведка на шахристане Хайрабад-тепе", вышедшей в 1961 г.²², ее автор, В.Д.Жуков относит нижние слои поселения и керамику из этих слоев к кушанскому времени. А в целом, по его словам, "судя по материалам, это городище наиболее ярко представляет материальную культуру первых веков нашей эры".

Таким образом, второй период в истории археологического изучения Северной Бактрии был отмечен широкими археологическими обследованиями различных районов, в ходе которых было выявлено большое число памятников. Были подготовлены материалы для археологических карт по республикам. Появились коллекции находок, в том числе и керамики, из разных районов. В связи с этим в изучении кушанской керамики Северной Бактрии также появляются новые черты, характеризующие второй период в истории ее изучения. Создается первая хронологическая шкала, проводится работа по ее уточнению, в каждом памятнике выделяется кушанский период, начинают поиски аналогий бактрийской керамики в соседних районах.

С начала 60-х годов в истории изучения Северной Бактрии начинается третий период. Для этого периода характерны следующие черты: проведение раскопок большими площадями, систематическое изучение одного памятника путем многолетних раскопок, использование технологических методов при обработке археологических материалов, подход к археологическим материалам как к историческому источнику. Этот период был также отмечен повышением интереса к кушанской проблеме, в частности к предистории кушан. В связи со всем этим и в истории изучения кушанской керамики Северной Бактрии начинается новый, третий этап.

Начало этого периода ознаменовалось выходом в свет в 1962 г. двух работ, в которых проводились исследования технологии производства керамики. Это — работы Н.С.Гражданкиной²³ и Э.В.Сайко²⁴. Работы имели очень важное значение, так как до этого момента различные авторы не раз подробно освещали формы сосудов, их назначение, орнаментацию и лишь изредка затрагивали вопросы технологических особенностей той или иной керамики, способы формовки. Такие вопросы, как состав керамической массы, способы нанесения ангоба, производство лощения ставились редко и только вскользь. Ста-

ты Н.С.Гражданкиной и Э.В.Сайко явились попыткой заполнения этого пробела. Для анализов были взяты образцы керамики из различных памятников: Афрасиаба, Китаба, Кувы, из долины Кашкадарьи и проведены химико-технологические исследования черепка, его микроскопическое изучение, спектральный анализ ангобов. Не все из вышеперечисленных исследований были доведены до конца, но некоторые были проведены с особой тщательностью. Так, в процессе исследования ангобов удалось определить основные типы ангобов красной керамики, возможные материалы для них, способы покрытия сосудов ангобом, способы лощения.

Одновременно с работами, посвященными узким вопросам, выходят в свет статьи с отчетами о разведках и раскопках, в которых керамика лишь упоминается и разбирается попутно. В 1964 г. появляется статья Б.А.Литвинского и Т.И.Зеймалъ "Раскопки и разведки в Южном Таджикистане"²⁵. Авторы статьи, проводя разведки в районе древнего канала Кафыр и левобережной части реки Кафирниган, обследовали небольшое городище Чемгалыш-тепе, на котором был заложен шурф. В статье, наряду с суммарным описанием керамики из этого шурфа, авторы останавливаются на некоторых деталях. Так, они отмечают характерные для этого памятника особенности: петлеобразные ручки, сужающиеся к низу, неполное покрытие сосудов красным ангобом. Датируется эта керамика предваритель-но I в. до н.э. — II в. н.э.

В том же 1964 г. выходит первый сборник с отчетами о работах на Кара-тепе²⁶. К тому времени холм раскапывался уже в течение четырех лет Государственным музеем искусства народов Востока и Государственным Эрмитажем. Впредь до специального исследования, керамический материал в общих чертах был описан в работе Б.Я.Ставиского "Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг."²⁷. Хотя стратиграфически расчленил керамику Б.Я.Ставискому не удалось, он разбивает ее на два периода, связывая керамику с периодами регулярной деятельности каратепинских построек. Б.Я.Ставиский отметил, что на поверхности полов, связанных со вторым периодом жизни Кара-тепе, не встречалась керамика с красным и черным ангобами, с полосчатым, сетчатым или иным сложным лощением. В связи с этим он относит такую керамику

к первому периоду жизни на Кара-тепе. А ко второму периоду он относит посуду с полосой темно-красного ангоба, нанесенного по венчику, и рассматривает ее как характерную именно для второго периода.

В этом же сборнике опубликована интересная статья Т.В.Грек "Индийские надписи на керамике Кара-тепе" ²⁸.

Начиная с 60-х годов кушанская керамика стала рассматриваться как исторический источник. Впервые с этой точки зрения к ней подошел Б.Я.Ставиский в работе "Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период)", вышедшей в 1964 г. ²⁹ Б.Я.Ставиский первым поставил вопрос о международных связях в кушанский период и привлек для его решения керамический материал. Рассматривая керамику, автор пришел к выводу, что связи Средней Азии с Римом и Индией в отдельные моменты были односторонними.

Существование связей Средней Азии с Индией, по мнению Б.Я.Ставиского, проявилось в появлении в последней во II в. н.э. глиняных бокалов на ножке, известных в Средней Азии с IY – III вв. до н.э. Появление их в Индии он объясняет приходом сюда кочевников из Средней Азии. Об обратном влиянии в III–I вв. до н.э. автор пишет: "Индийское влияние на культуру среднеазиатских областей в это время пока проследить не удается". О тесных контактах с Северной Индией в более позднее время, по его мнению, указывает "появление в керамике Северной Бактрии наряду с отмеченными еще для предыдущего периода бокалами на ножке новых типов посуды, сходных с таксильскими – сосудов с носиками и открытых чаш, украшенных налепами с изображениями головы льва".

В этой же работе большой раздел посвящен связям Средней Азии с Римом. Проявление этих связей Б.Я.Ставиский видит в том, что в кушанских слоях Средней Азии встречаются римские изделия, такие как аск из Термеза, и в том, что в Средней Азии делали подражания римской посуде: ковши, эйнохои, сковороды, глиняные тарелки с вертикальным бортиком и кольцевым поддоном. На основании археологического материала автор делает вывод о том, что связи Средней Азии с Римом в кушанское время осуществлялись по трем путям: по степной дороге в Северное Причерноморье, через Иранское плато и по морскому пути из Индии в Египет.

Как уже говорилось выше, третий период в изучении Северной Бактрии характеризуется повсеместным исследованием всех ее областей. Но к началу 60-х годов не все районы Северной Бактрии были изучены в равной степени. Исследовался, главным образом, юг, а в восточной и северо-восточной частях территория Северной Бактрии оставалась неизученной. В связи с этим внимание археологов привлекла восточная часть Гиссарской долины и Яванская долина, которая является продолжением Вахшской. Одному из городищ этого района была посвящена статья Э.А.Юркевича "Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии", вышедшая в свет в 1965 г. ³⁰ В этой работе приведены результаты обработки материалов, полученных при раскопках на Яванском городище в 1963 г. Э.А.Юркевич попытался дать типологию и классификацию яванской керамики, которая на основании стратиграфических данных расчленяется на два комплекса. Э.А.Юркевич, на наш взгляд, не всегда правильно выбирал признак, по которому он классифицировал керамику: в одном случае это – цвет ангоба, в другом – хозяйственное назначение сосуда. Автор не только классифицирует керамику, но и датирует ее, опираясь на устаревшую хронологическую шкалу М.М.Дьяконова. Так, верхний слой Яванского городища он датирует по аналогии с Кобадияном V–IV вв. н.э., хотя этот слой был уже в свое время передатирован. Э.А.Юркевич отмечает отличие керамики Кобадияна, Явана и Сурхан-Дарьи.

В третий период в истории изучения Северной Бактрии повысился интерес исследователей к предистории кушан, к вопросам их этногенеза, появления кушан на территории Северной Бактрии. Этот комплекс вопросов успешно решает А.М.Мандельштам в своей монографии "Кочевники на пути в Индию", вышедшей в 1966 г. ³¹ На протяжении 1955–1959 гг. А.М.Мандельштам систематически исследовал курганные могильники и поселения Бишкентской долины. Поэтому в его монографии, наряду с керамикой Тулхарского могильника, которому уделено большее место в книге, дается описание керамики близлежащих поселений Каменное, Хан-Газа и Ак-тепе, относящихся, в основном, к кушанскому времени. В этой работе прекрасно разработана классификация и типология докушанской керамики. Кроме того, большое место уделено вопросам дати-

ровки и передатировки Кобадияна. В поисках аналогий тулхарской керамики А.М.Мандельштам обращается, естественно, к схеме М.М.Дьяконова и не находит в ней искомым аналогий. В результате, он приходит к выводу, что "схема периодизации материалов Северной Бактрии, предложенная М.М.Дьяковым, в настоящее время нуждается в значительном исправлении и дополнении. В данном случае она может быть использована лишь в весьма ограниченной степени". В связи с пересмотром и дополнением всей схемы А.М.Мандельштам анализирует керамику с перечисленных поселений, обращая особое внимание на Каменное городище. При раскопках на Каменном городище было обнаружено шесть слоев, в верхнем из которых оказалась позднекушанская монета. Внимание А.М.Мандельштама привлекли нижние три слоя. Первые два не нашли себе аналогий в схеме М.М.Дьяконова. Соответствие устанавливается только с третьего слоя, который содержит керамику, аналогичную Кобадияну II и III. Поэтому А.М.Мандельштам приходит к выводу, что нижние два слоя предшествуют Кобадияну II и занимают место между Кобадияном I и Кобадияном II, а значит между ними есть сравнительно большой разрыв во времени. Кроме того, А.М.Мандельштам оспаривает мнение М.М.Дьяконова о появлении кувшинов в Северной Бактрии только во II в. н.э. Сам он считает, что они появились задолго до II в. н.э. и даже до рубежа н.э.

Таким образом, были еще раз пересмотрены некоторые положения М.М.Дьяконова, что заставило осторожнее подходить к материалам Кобадияна и ссылаться на него в поисках аналогий при датировке керамики в других памятниках.

В 1966 г. вышла в свет книга Г.А.Пугаченковой "Халчаян" ³². В основу книги был положен материал из раскопок 1959-1963 гг. Главными объектами исследований на Халчаяне были Ханакатеп и Карабаттеп. В целях выяснения стратиграфии слоев Халчаянского городища на этих двух объектах были заложены археологические шурфы, которые дали немногочисленный, но очень интересный керамический материал. Этот материал расчленен Г.А.Пугаченковой на отдельные хронологические этапы и датирован по методу аналогий, причем автор придерживается старых датировок, предложенных еще

М.М.Дьяковым, усматривая с одной стороны, в своем материале некоторые параллели с керамикой Кобадияна, а с другой стороны, отмечая отличия в керамике Кобадияна и Халчаяна (Саганиана). Впервые Г.А.Пугаченкова ставит очень важный вопрос о времени появления в керамике Северной Бактрии штампа как приема украшения керамики. Не решая в целом этот вопрос, Г.А.Пугаченкова прослеживает только время появления штампа - пальметты и только в Халчаяне, а не во всей Северной Бактрии, давая при этом большую и подробную сводку тех памятников, где встречается пальметта.

В этом же 1966 г. выходит небольшая статья Л.И.Альбаума, посвященная отдельному памятнику с очень интересной керамикой - "Дальверзинтеп" ³³.

В третьем периоде продолжались работы по изучению технологии производства керамики кушанского времени. В 1968 г. в Душанбе состоялась международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. К этому симпозиуму были выпущены тезисы докладов и сообщений советских ученых, где было опубликовано содержание доклада Э.В.Сайко "Некоторые вопросы технологии керамики кушанского периода (Северная Бактрия)" ³⁴. В этой работе Э.В.Сайко пыталась выявить общие черты и локальные варианты керамики областей, входивших в состав Кушанской империи, на основании техники и технологии изготовления сосудов: отбор и обработка сырья, формовка, ангобирование, украшение поверхности, обжиг, обуславливающие основные характерные черты керамики того или иного периода. Э.В.Сайко выдвинула предположение, что определяющим моментом для периодизации керамики кушанского времени является тесная и закономерная связь характера форм, составов глиняных масс и технических приемов формовки сосудов. Ею были исследованы комплексы керамики II в. до н.э. - I в. н.э. Особое внимание Э.В.Сайко уделила приемам ангобирования, его древним традициям. Она рассмотрела технические качества красных ангобов, изделия со светлым ангобом, глазурованную керамику, обнаруженную на территориях областей, входивших в состав Кушанской Империи.

В том же 1968 г. состоялось совещание по археологии Средней Азии в Ленинграде. В тезисах этого совещания было

помещено изложение доклада Э.А.Юркевича "К вопросу о локальных вариантах кушанской керамики" ³⁵. Ю.А.Юркевич считает возможным выделить локальные варианты керамики на территории обширной Кушанской империи. В общей массе керамики он выделяет шесть групп: красноангобированную, простую красную, белоангобированную, чернорасписную красную, серую и северную чернолощеную. Далее он рассматривает, какие группы керамики бытовали в докушанское время в Бактрии, Гандхаре, Индии, и приходит к выводу, что в предкушанское время сменились древние типы керамики и появились некоторые общие элементы в рассматриваемых областях. Тенденция появления общих элементов и некоторой нивелировки, наблюдаемая в предкушанское время, особенно ярко выступает, по мнению автора, при анализе керамики данных областей в кушанское время. В заключение Ю.А.Юркевич приходит к выводу, что анализ керамического материала позволяет заключить, что формирование кушанской культуры шло, в основном, по двум направлениям: на основе местных культурных традиций и в результате объединения различных областей в единое государство, оказавшее известное влияние на развитие хозяйства, торговли, культуры и идеологии. Таким образом, кушанская керамика распределяется по трем крупным культурным провинциям, в которых сохранились определенные местные традиции, лишь слегка и внешне сnivelированные и объединенные во время существования кушанского государства.

В 1969 г. выходит из печати второй том "Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе" ³⁶, где незначительное место отводится находкам керамики из раскопок 1963-1964 гг. ³⁷, в частности керамике с надписями ³⁸.

В этом же 1969 г. Т.И.Зеймаль защитила диссертацию "Вахшская долина в древности и раннем средневековье" ³⁹. В этой работе Т.И.Зеймаль дает сводную стратиграфическую "колонку" археологических материалов Вахшской долины. Для каждого стратиграфического комплекса дается описание керамики, а также определяются те хронологические рамки, в пределах которых, опираясь на сводную стратиграфию долины, можно датировать подъемную керамику. Большое внимание автор уделяет стратиграфии Яванского городища, которое дало остат-

ки шести последовательных строительных периодов ЯВ-I - ЯВ-VI. Автор отмечает большое разнообразие форм (особенно для столовой посуды) в периодах ЯВ-I и ЯВ-II. Для этой посуды характерно плотное темнокрасное ангобное покрытие, лощение, штампованные налепы и штампованный орнамент. Это, по мнению Т.И.Зеймаль, наиболее общие признаки керамики III - первой половины V вв. н.э., которые могут иметь датировочное значение. Т.И.Зеймаль пересматривает частично схему М.М.Дьяконова и считает, что в ней должны сохраниться такие последовательные этапы: Кобадиян I, Кобадиян IV с отнесением к нему Кобадияна II и III, Кобадиян V.

Начиная с 1968 г. изучением керамики Северной Бактрии кушанского времени занимается автор настоящей работы ⁴⁰.

I В 1941 г. в Афганистане под руководством Р.Гиршмана начались раскопки Беграма, результаты которых были опубликованы в 1946 г. в его монографии "Begram". Опираясь на выявленные строительные остатки и монетные находки, Р.Гиршман выделил три слоя, соответственно которым выделил три периода в развитии керамики: Беграм I (II в. до н.э. - сер. II в. н.э.), Беграм II (сер. II - сер. III в. н.э.) и Беграм III (сер. III-IV в. н.э.). Второй работой была работа А.Гхоша "Taxila (sirkar 1944-1945)". Местом раскопок стала Таксила. Для раскопок был выбран район Сиркапа. Большое место в работе А.Гхош уделено керамике. Он выделил несколько десятков типов посуды, дал подробное описание каждого типа и орнамента. После детального описания вся керамика была разбита на так называемые четыре фазы: I фаза - вторая половина I в. до н.э., II фаза - первая половина I в. н.э., III фаза - вторая половина I в. н.э., IV фаза - II в. н.э. И только в 1957 г. появляется работа Ж.Гардена "Ceramique de Bactres". Центром раскопок стал Балх. Этот город был осмотрен после окончания второй мировой войны в 1946 г. по поручению Д.Шлюмберже, руководителя Французской археологической миссии в Афганистане. В 1947 г. здесь начались раскопки под его руководством. Для раскопок была выбрана площадь Бала хисара, центральные холмы Нижнего го-

рода и холм Тепе Заргаран. В этих местах археологи пытались выяснить стратиграфическую картину городища методом колодеобразных шурфов (1,5х1,5м). Было сделано около 71 шурфа и еще два больших шурфа на Тепе Заргаран (6х3 и 10х10 м). Однако стратиграфию городища проследить не удалось, древние слои археологи не смогли выявить. Обильный керамический материал был изучен не в полную меру и поэтому датировка домусульманских слоев была недостаточно точной. В 1952 г. Ж.Гарден предпринял тщательное изучение всего комплекса керамики из шурфов Балха. Монография Ж.Гардена является первым исследованием, специально посвященным керамике. Ж.Гарден имел основной целью исследование основных линий развития керамики Балха в широких хронологических рамках — от глубокой древности до тимуридского времени включительно. Всю керамику Балха он берет как не датированную и разбивает ее на несколько групп: 1) красноангобированная, 2) белоангобированная, 3) сероглиняная, 4) поливная монохромная, 5) поливная полихромная. Подробно характеризуются формы сосудов с их разновидностями, рассматриваются аналогии твердо установленным формам, дающие возможность их датировать. Аналогии привлечены автором с очень широкой территории Средней Азии, Северной Индии, Афганистана. Помимо выявления основных форм Ж.Гарден ставит и пытается разрешить некоторые более узкие вопросы, в частности вопрос о времени появления и о происхождении штампованного орнамента. Он считает, что штампованный орнамент появляется в Балхе в III в. н.э. и видит здесь проявление культурного влияния сасанидского Ирана. Особое внимание автора привлекает сероглиняная керамика. Он утверждает, что она появляется в Северной Бактрии незадолго до рубежа нашей эры или в начале ее. В итоге Ж.Гарден делит керамический материал на четыре хронологические периода: I в. до н.э., I в. до н.э. — III в. н.э., III в. н.э., — IX в. н.э., IX в. н.э. — XV в. н.э.

² Б.П.Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Термез, — "Культура Востока. Сборник Музея восточных культур", Вып. I, М., 1927; его же. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 г., — "Культура Востока. Сбор-

ник Музея восточных культур", Вып. 2, М., 1928.

3. М.Е.Массон. Городища Старого Термеза и их изучение, "Труды Узбекистанского филиала Академии Наук СССР", серия I (история, археология), вып. 2, Ташкент, 1941; его же. Термезская археологическая комплексная экспедиция, — "Краткие сообщения института истории материальной культуры", вып. 8, М.-Л., 1940.

⁴ Б.Б.Пиотровский. Раскопки на Чингиз-тепе, — "Труды Узбекистанского филиала АН СССР", сер. I (история, археология), вып. 2, Ташкент, 1940-1941, стр. 164.

⁵ Е.Г.Пчелина. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе, — в сб.: "Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе", М., 1964, стр. 97-98.

⁶ М.И.Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов, — "Труды Термезской археологической комплексной экспедиции", т.2, Ташкент, 1945.

⁷ В.А.Шишкин. "Курган" и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, — "Труды Термезской археологической комплексной экспедиции", т.2, Ташкент, 1945.

⁸ В.Д.Жуков. Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза, — там же, стр. 96 рис. 20, стр. 97 рис. 21.

⁹ М.М.Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, — "Материалы и исследования по археологии СССР", М.-Л., № 15, 1950, стр. 147-186.

¹⁰ М.М.Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.), — "Материалы и исследования по археологии СССР", № 37, М.-Л., 1953.

¹¹ Ю.А.Заднепровский и В.М.Массон. Новые материалы по археологии Таджикистана, — "Вестник древней истории", № 1, М., 1955, стр. 84.

¹² А.А.Маруценко. Хосров-кала, — "Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР", т. 2, Ашхабад, 1956.

13 Л.И.Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948-1949 гг.), - "Труды института истории и археологии АН Узбекской ССР", вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 115.

14 Л.И.Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 197.

15 А.М.Мандельштам и С.Б.Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг., - "Материалы и исследования по археологии СССР", № 66, М.-Л., 1958.

16 Б.А.Литвинский. Предметы из погребений на Сталинабадских холмах, - "Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея", вып. III, Сталинабад, 1958.

17 Б.А.Литвинский. Новые данные по археологии Таджикистана, - "Краткие сообщения института истории материальной культуры", вып. 55, М., 1954.

18 Б.А.Литвинский, Э.Гулямова, Т.И.Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты, - "Труды института истории АН Таджикской ССР", т.91, Душанбе, 1959.

19 Е.В.Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине, - "Труды института истории АН Таджикской ССР", т.27, Душанбе, 1961.

20 Там же.

21 Т.И.Зеймаль. Античное поселение в урочище Халкаджар, - "Труды института истории АН Таджикской ССР", т. 27, Душанбе, 1961.

22 В.Д.Жуков. Археологическая разведка на Шахристане Хайрабадтепе, - "История материальной культуры Узбекистана", вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 182.

23 Н.С.Гражданкина. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана, - "История материальной культуры Узбекистана", вып.3, Ташкент, 1962.

24 Э.В.Сайко. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики, - "Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР", вып. I (28),

Душанбе, 1962, стр. 83-98.

25 Б.А.Литвинский и Т.И.Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане, - "Труды института истории АН Таджикской ССР", т.43, Душанбе, 1964.

26 Сб. "Кара-тепе - буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе", М., 1964.

27 Б.Я.Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961-1962 гг., - в сб.: "Кара-тепе - буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе", М., 1964, стр. 7-62.

28 Т.В.Грек. Индийские надписи на керамике Кара-тепе, - в сб.: "Кара-тепе - буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе", М., 1964, стр. 62-82.

29. Б.Я.Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период), - в сб.: "Индия в древности", М., 1964.

30 Э.А.Юркевич. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии, - "Советская археология", № 4, М., 1965.

31 А.М.Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, - "Материалы и исследования по археологии СССР", № 136, М.-Л., 1966.

32 Г.А.Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966.

33 Л.И.Альбаум. Городище Дальверзинтепа, - "История материальной культуры Узбекистана", вып. 7, Ташкент, 1966.

34 Э.В.Сайко. Некоторые вопросы технологии керамики кушанского периода, - "Тезисы докладов и сообщений советских ученых", Душанбе, 1968, стр. 57-58.

35 Э.А.Юркевич. К вопросу о локальных вариантах кушанской керамики, - "Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии", Ленинград, 1968, стр. 46-48.

36 Сб. "Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе", М., 1969.

37 Там же, стр. 17-20.

38 Там же, стр. 32-40.

39 Т.И.Зеймаль. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореферат диссертации. Ленинград, 1969.

40 Н.С.Юдочкина (Сычева). Керамика Кара-тепе, - "Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии", Ленинград, 1968; Сычева. Сравнительный анализ керамики из комплексов "А" и "Б" Кара-тепе в Старом Термезе, - "Сообщения Государственного музея искусства народов Востока", вып. I, М., 1969; ее же. Керамика из кельи пещерного храма П-II, - там же, вып. II, М., 1969.

Н.П.Чукина

ВАЯНГ - ПУРВО - ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ТЕНЕВОЙ ТЕАТР

В седую старину на далеком тропическом острове Ява предки современных индонезийцев поклонялись духам и грозным силам природы, а также могущественным духам умерших предков. Как и многие другие народы мира, находящиеся на определенной исторической стадии развития, древние индонезийцы верили, что при жизни человек имеет два начала: тело и душу. Бренное тело они считали временным вместилищем души, которую олицетворяли с неосязаемой тенью. Поэтому, когда после смерти человека тело его сжигалось, то оставалась бессмертная душа. Праяванцам казалось, что из потустороннего мира можно легко вызвать душу - бесплотную тень. Вера в эту возможность по мнению многих исследователей послужила основой индонезийского теневого театра ваянг-пурво, который как бы вырос из древнего анимизма и культа предков.

Торжественное действо вызывания души умерших первоначально совершалось жрецами ночью с помощью плоских кукол и экрана. Эта таинственная литургия происходила в храме, имеющем вид площадки, обнесенной стеной для защиты от злых сил. Во время этого таинства, сопровождаемого магическими жестами жреца-кукловода, праяванцы верили, что вызванные духи-покровители (скользящие силуэты кукол на экране) чудесным образом защитят их от злых духов, обеспечат хороший урожай, смогут предотвратить страшные болезни и стихийные бедствия или просто принесут удачу, счастье.

На протяжении тысячелетий своего существования ваянг-пурво развивался, превратясь из священной мистерии в зре-